АРИАДНА ШАФРАН

ЭТОЙ НОЧЬЮ МЕНЯ НЕ БЫЛО



Ариадна Шафран

Этой ночью меня не было

«Автор»
2026

Шафран А.

Этой ночью меня не было / А. Шафран — «Автор», 2026

На видео — Марина. Её пальто, её лицо, её движения. Внизу экрана — 02:17.К утру её коллега Никита исчезает, а незнакомые люди требуют объяснить, что она делала у него ночью. Но Марина была в другом городе.Она профессиональный монтажёр и знает, как несколько вырезанных секунд меняют смысл записи. Найти оригинал кажется единственным способом вернуть себе жизнь. Только вслед за первым обвинением появляется второе — и теперь против неё используют работу, которую она действительно сделала.Пока Никиту ищут, Марине предлагают помощь. С одним условием: перестать задавать вопросы.

© Шафран А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 02:17 5
Глава 2. Там, где я была 10
Глава 3. Не улика 16
Глава 4. Девять месяцев назад 21
Глава 5. Чужая версия 26
Глава 6. Доказанное расстояние 31
Глава 7. Голос 36
Глава 8. Длинная запись 40
Глава 9. Никаких секретных камер 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Ариадна Шафран
Этой ночью меня не было

Глава 1. 02:17

Накануне Никита позвонил ей один раз, а к утру чужие люди — девятнадцать.

Марина увидела пропущенные, когда потянулась выключить будильник. Телефон лежал на соседней подушке экраном вниз; под ним осталась круглая влажная отметина от волос. Накануне она заснула раньше, чем они высохли, и теперь одна прядь торчала над ухом. В гостиничном номере было тепло, батарея тихо постукивала. За неплотными шторами начинался нижегородский октябрь: серый свет, мокрое стекло, двое рабочих возле фургона во дворе.

Она сперва решила, что случилось что-то с Леной. Семь звонков подряд от неё, между ними незнакомые номера. В рабочем чате уже было сорок три сообщения. Марина открыла разговор с подругой, рассчитывая увидеть объяснение, и получила фотографию собственной спины.

Жёлтое пальто. Тёмные волосы, убранные под воротник. Правая рука придерживает дверь, левая прижимает сумку к боку. Снимок был сделан сверху, из угла лестничной площадки. В нижней части картинки белели цифры: 02:17.

Лена написала: «Ты где?»

Под фотографией была ссылка.

Марина позвонила ей, ещё не открывая ролик.

— В Нижнем. Что происходит?

— Ты в гостинице?

— Да.

— Вчера тоже была там?

Лена говорила очень ровно, и от этого Марина окончательно проснулась. Так подруга разговаривала с людьми, обнаружившими, что их музейный билет куплен на прошлую субботу: без обвинения, но оставляя мало места для путаницы.

— Лен, я вчера отсюда тебе звонила. Показывала этот прекрасный стул, на котором нельзя сидеть.

— Помню. Открой ссылку. Только звук пока сделай потише.

Марина села. Зарядный провод натянулся и выдернул вилку из телефона; она подобрала её с пола, вставила обратно. Через стену заработал фен. Женщина в соседнем номере могла сейчас торопиться на завтрак, и эта возможность — торопиться на завтрак — вдруг показалась Марине совершенно отдельной жизнью.

Ролик длился двадцать шесть секунд. Первые пять занимал ночной фасад незнакомого дома. Блестели припаркованные автомобили, горело одно окно. Затем картинка сменилась лестничной площадкой. Дверь открылась, и из неё вышла женщина в жёлтом пальто. На миг повернула лицо в сторону камеры, подтянула сползающую сумку, спустилась по ступенькам. Дальше — фотография Никиты Бородина, на которой он улыбался кому-то сбоку, и крупные слова: «Последняя, кто видел пропавшего редактора».

Внизу всё это время оставалась дата сегодняшней ночи.

Марина вернулась к началу и запустила запись ещё раз.

— Ну? — спросила Лена.

— Это я.

На другом конце стало тихо.

— В кадре я, — уточнила Марина. — Но я не была в Москве.

Она увеличила изображение. Лицо рассыпалось на квадратики, у нижнего века появилась тёмная полоска, которой не было при обычном просмотре. Нельзя было улучшить качество, раздвигая пальцы, но она всё равно раздвинула их ещё раз. Под воротником мелькнула серебристая серьга. Правый карман пальто чуть оттопыривался.

Пальто было её. Серьги тоже. Это не походило на чужую женщину, которую по небрежности приняли за неё.

— Ты понимаешь, откуда это? — спросила Лена.

— Пока нет. Откуда ссылка?

— Мне прислала Дина. Она читает этот канал.

— Кто выложил первым?

— Не знаю. Там пишут, что камера у Бородина в доме.

Марина сняла видео с паузы. Женщина исчезла внизу кадра, и появилась Никитина фотография. Она знала этот снимок: он хотел поставить его на сайт, а Марина сказала, что для сайта лучше смотреть хотя бы примерно в объектив. Никита ответил, что его нанимают монтировать, а не свидетельствовать о своей прямоте.

Это было летом. Или прошлым летом. Она не могла сейчас вспомнить, потому что на снимке стояло слово «пропавший».

— Кто сказал, что Никита пропал?

— Они пишут, что близкие не могут с ним связаться.

— С какого времени?

— Марин, я знаю ровно то, что в посте.

Она открыла подпись. «Источники сообщают: видеоредактор Бородин перестал выходить на связь после ночной встречи с коллегой. На записи с камеры хорошо видно последнюю посетительницу. Если вы знаете эту женщину, напишите нам».

После текста шли две тысячи комментариев.

Марина нажала на имя канала. Небольшой городской агрегатор: аварии, порыв трубы, спор у супермаркета, «эксклюзивные кадры». Из контактов — адрес для рекламы и кнопка, через которую предлагалось прислать новость. Ролик разместили в семь сорок четыре. Она не знала, было ли это первым появлением; подпись «эксклюзив» ничего не подтверждала.

Она включила запись в третий раз, теперь без звука. На ночном фасаде двигалась ветка, а после смены плана в коридоре не двигалось почти ничего, кроме неё. Картинка была плоской, с жёлтым оттенком. На двери темнел прямоугольник, словно там недавно сняли табличку. Дверь тёмная, глазок блестит слишком высоко. Марина знала эту дверь, но не могла сказать откуда.

В январе она снималась для короткого учебного видео. В мае стояла у другой двери, проверяя свет на интервью. Летом помогала ребятам из документального проекта с пересъёмкой прохода. За год набиралось больше коридоров, чем ей хотелось помнить.

— Я ему позвоню, — сказала она.

— Я останусь на связи.

— Не получится, у меня один телефон.

— Тогда перезвони сразу.

Никитин номер она нашла в избранных. Вчера он звонил в восемнадцать двадцать девять, когда она была на сцене перед тридцатью слушателями. После семинара Марина отправила ему: «Вернусь в Москву после семинара. Наберу утром». Ответа не было, но он нередко замолкал на несколько дней, увязнув в монтаже. Обычно потом присылал изображение таймлайна и подпись: «Мы победили, потери уточняются».

Сейчас автомат сообщил, что абонент недоступен.

Она набрала ещё раз, будто первая попытка могла попасть в неверную секунду. Услышала ту же фразу и написала: «Никита, что за видео? Ты где? Позвони».

Сообщение осталось с одним знаком доставки.

На столе лежала программа семинара с её фамилией. «Монтаж документального разговора: точность и темп». Она смотрела на название несколько секунд, потом перевернула лист. С оборота улыбалась реклама конференц-зала.

В рабочем чате кто-то поставил под роликом три вопросительных знака. Координатор семинара написала лично: «Марина, это какое-то недоразумение?» За ней пришло сообщение от заказчика, которому она до ночи собирала исправленную версию фильма: «Скажите, пожалуйста, это имеет отношение к вам?»

Она ответила заказчику первой. Написала, что находится в Нижнем Новгороде и запись не относится к этой ночи. Стерла слово «очевидно». Пока очевидно было только то, что она помнила вчерашний вечер.

Лена приняла звонок сразу.

— Недоступен, — сказала Марина. — Он вчера звонил мне. Я не ответила.

— Ты работала.

— Я могла потом набрать.

— Могла. Сейчас нужно выяснить, что с ним, а не пересчитывать все звонки, на которые ты не ответила.

Марина встала, но не знала, куда идти. До ванны было три шага, до двери четыре. Она прошла к окну. Мужчина внизу закрывал фургон, придерживая створку бедром. У него всё получилось со второй попытки.

— Мне нужно написать, что я здесь, — сказала она. — Пока это не разошлось.

— Уже разошлось.

— Тем более.

— Что ты напишешь про Никиту?

— Что не знаю.

— Вот сначала убедись, что ничего не добавляешь за него. И сохрани это всё.

Марина почувствовала раздражение: Лена никогда не работала с видео, не отличала файл от ссылки на него и просила «прислать картинку большим качеством». Теперь она давала указания. Но написать пост прямо сейчас Марина тоже не могла. В голове уже звучала первая фраза — «Уважаемые коллеги», — и ей казалось унизительным обращаться так к людям, которые обсуждали, почему она вышла из чужой квартиры ночью.

— Я знаю, как сохранять, — сказала она.

— Хорошо. Тогда сохрани. И позавтракай.

— Лен.

— Я знаю, что не хочется. Ты вчера ужинала в девять, дальше работа. Сейчас выпей хотя бы воды.

После разговора Марина открыла ноутбук. На экране осталась монтажная программа: интервью орнитолога, последняя версия, зелёные дорожки звука. Вчера вечером он объяснял, почему не всякую перелётную птицу можно назвать перелётной в одинаковом смысле. Она вырезала его второе объяснение, потом вернула часть первого. Он был терпелив, говорил медленно и имел право так говорить.

Она закрыла проект, создала отдельную папку и сохранила доступную копию ролика. Рядом положила снимок публикации, её адрес, время, когда получила ссылку от Лены. Файл назвала без выводов: «Публикация_01_получено_утром». Уже хотелось назвать его «Подделка», но это было бы удобно только ей.

Копия была небольшой. Её перекодировали, возможно, несколько раз. В свойствах стояло время сегодняшнего скачивания, не съёмки. Никакой скрытой отметки, способной прекратить происходящее, там не нашлось.

Она разложила запись на отдельные кадры. Фасад. Склейка. Коридор. Лицо. Лестница. Снова открыла собственный архив.

Жёлтое пальто она купила позапрошлой осенью. Слишком яркое для съёмочной группы, зато в метро никто не садился на него, приняв за брошенный шарф. Зимой Никита попросил привезти его на учебную съёмку, потому что на тестовой камере серые куртки сливались со стеной. Марина помнила его слова, но не была уверена, что ролик оттуда. Тогда на площадке ещё кто-то стоял. Здесь коридор пустой.

Она поискала в переписке «пальто», получила несколько шуток Лены, ссылку на химчистку и собственное сообщение Никите: «Жёлтое привезу, если обещаешь не заставлять бегать». В ответ он прислал эмодзи человека с поднятой рукой. Приглашение на съёмку было раньше, его следовало искать отдельно.

Телефон снова зазвонил. Незнакомый московский номер. Марина хотела сбросить, но представила Никиту без своего телефона и ответила.

— Марина Андреевна? Доброе утро. Дмитрий Погодин, канал «Прямой вопрос». Удобно две минуты?

— Что с Никитой?

— Мы как раз пытаемся восстановить обстоятельства. Вы можете прокомментировать запись?

На фоне у него щёлкали клавиши. Он произносил её полное имя привычно, словно это был следующий пункт утреннего списка.

— Откуда у вас мой номер?

— Есть в открытых профессиональных контактах. Вы ведь работали с Бородиным?

— Что вам известно о его исчезновении?

— Близкие говорят, что он не выходит на связь. Вы сегодня ночью были у него?

— Я в Нижнем Новгороде. Со вчерашнего утра.

— То есть отрицаете?

Марина сняла очки. На переносице остались две тёплые вмятины.

— Я сообщаю, где нахожусь. Это можно проверить. Запись не относится к сегодняшней ночи.

— Но женщина на ней — вы?

— Мне нужно установить, откуда взяты кадры.

— Похожа на вас?

— Я уже ответила.

— Мы хотим дать вашу позицию. Иначе будет только видео.

Она почти согласилась. За этим «иначе» стояло слишком много возможных заголовков. Можно было быстро объяснить, что любые цифры добавляются при монтаже, что никакая подпись не удостоверяет дату, что даже подлинные кадры могут рассказывать о другом событии. Вчера слушатели за это заплатили; сегодня ей предлагали две минуты, чтобы сохранить собственное имя.

— Пришлите вопросы письменно, — сказала Марина. — И источник записи.

— Источник мы раскрывать не можем.

— Тогда не называйте это записью домовой камеры, пока не проверили.

— Мы пишем «предположительно».

— Это слово есть в ролике?

Он не ответил сразу.

— Марина Андреевна, я правильно понял, вы отказываетесь комментировать?

— Нет. Я попросила вопросы письменно и сказала, где была.

После разговора она записала в новый документ время звонка и несколько фраз, которые помнила точно. Внизу добавила: «Дословную запись не вела». Ей хотелось зафиксировать всё, но нельзя было превращать собственное воспоминание в стенограмму только потому, что так оно выглядело убедительнее.

Координатор семинара прислала ещё одно сообщение: «Вы сможете выйти к десяти? Если необходимо, заменим порядок выступлений». Никакого обвинения там не было. Марина вдруг поняла, что второй день семинара ещё существует, зал арендован, люди пришли слушать практическое занятие. Она обещала показать им, как два добросовестно снятых плана создают ложную связь, если поставить их рядом.

На столе стояла пустая бутылка. Она отвинтила крышку, хотя воды там не было, и поставила обратно.

Лена прислала контакт юриста Саши Шиловой. Следом — «Она ждёт звонка. Не подруга подруги, мы с ней работали по музейному договору».

Марина нажала на номер, но прежде чем начался вызов, сверху выпало новое уведомление. Погодин написал: «Спасибо, позицию отразили».

Она открыла его канал.

Там был тот же ролик, только над ним добавили строку: «Женщина на кадрах — видеоредактор Марина Ковалёва, работавшая с исчезнувшим Бородиным».

Дальше, уже под кнопкой раскрытия текста, сообщалось, что она «утверждает, будто находится в другом городе».

Марина прочла своё имя целиком. До этой минуты незнакомым людям ещё предлагалось узнать женщину в пальто. Теперь искать больше никого не требовалось.

Глава 2. Там, где я была

Саша Шилова попросила начать с фактов, которые Марина знала сама.

— Не из канала, не от подруги и не из подписи к ролику. Вы сейчас где?

Марина назвала гостиницу, номер, улицу. Саша уточнила, кто ещё знает о поездке. Говорила она быстро, но не торопила отвечать. Между вопросами слышалось, как по столу двигается что-то тяжёлое, возможно, стопка папок.

— Я здесь веду семинар. Два дня. Организаторы, слушатели, коллеги. Вчера выступала, сегодня практическая часть.

— Хорошо. Вы кого-то из них просили подтвердить ваше присутствие?

— Пока нет.

— Попросите сохранить то, что у них есть. Не подсказывайте, что они должны помнить.

— Я не собираюсь сочинять алиби.

— Я тоже. Поэтому и говорю.

Марина замолчала. Саша не приняла её раздражение на свой счёт, не стала успокаивать и объяснять, что все понимают. Она перешла к следующему вопросу:

— Кто-то из правоохранительных органов с вами уже связывался?

— Нет. Журналисты.

— Тогда запишите номера и содержание разговоров, насколько помните. Если позвонит сотрудник полиции, выясните имя, должность, подразделение. Проверим контакт через официальный номер. От беседы не уклоняйтесь. Я помогу понять, что оформляют и в каком качестве с вами разговаривают.

Марина спросила, нужно ли немедленно ехать в Москву.

— Вы собирались возвращаться когда?

— Послезавтра утром. Билет уже есть. Завтра хотела день провести в городе, если будет время.

— Пока не меняйте всё из-за комментариев. Я свяжусь с вами после того, как поймём, где зарегистрировано сообщение об исчезновении. И ещё: ролик у себя выложили?

— Нет.

— Хорошо. Если будете писать короткое сообщение, сообщите о себе. Не пересказывайте непроверенные обстоятельства исчезновения. Не называйте виновных. Могу посмотреть текст.

После звонка Марина составила список. Вчерашний поезд. Такси от вокзала до гостиницы. Регистрация на стойке. Обед в кафе напротив. Семинар. Ужин с Ириной и Сергеем, ещё двумя ведущими. Возвращение в номер. Разговор с Леной. Работа.

Около половины второго она заказала воду. В номере закончилась питьевая, а идти вниз не хотелось. Ночной администратор сказал, что принесёт, когда освободится. Она открыла ему дверь босиком, с наушниками на шее. Мужчина держал две бутылки и маленький пакет с чаем, который Марина не просила. «На всякий случай», — сказал он. На всякий случай оказался нужен: чай лежал сейчас возле чайника, вода была выпита.

После двух она созванивалась с Сергеем. Он делал для другого заказчика звук, заметил у неё в экспортированном отрывке хлопок и предложил проверить вместе. Марина ругалась на неисправную дорожку, а Сергей спорил, что хлопок мог быть в записи, не в монтаже. Они нашли его в исходнике. Разговор закончился, когда Марина показала ему через камеру нелепое кресло у окна и объявила, что гостиница предоставляет гостям возможность укреплять поясницу силой воли.

Время она посмотрела в журнале вызовов: начало — 02:06, окончание — 02:28.

Никакой счастливой ошибки памяти. Она именно так и провела ночь. Марина ещё раз переписала цифры и отправила Сергею короткий вопрос: «Можешь сохранить сведения о нашем ночном звонке? Ничего не удаляй, пожалуйста. Объясню лично».

На собственном экране всё сложилось так хорошо, что ей захотелось послать список Погодину. Было бы достаточно показать ему 02:06–02:28, и он убрал бы фамилию, исправил подпись, опубликовал объяснение. Марина уже выделила строку, но остановилась. Видеозвонок существовал. Публичный снимок журнала звонков можно было сделать за минуту — и зрители справедливо не обязаны были принимать её снимок за независимое подтверждение.

На завтрак Марина спустилась с ноутбуком. В лифте мужчина лет шестидесяти уступил ей место у двери. На втором этаже зашла молодая женщина с мальчиком, у которого в руке был пластиковый самолёт. Никто не смотрел на Марину дольше положенного. В зеркале она увидела обычную незнакомую женщину с плохо высохшими волосами.

В кафе Ирина сидела над тарелкой каши, придерживая ложкой края пакетика сахара. Увидев Марину, подвинула вторую чашку.

— Я тебе кофе взяла. Тут хороший только в начале завтрака, потом они, кажется, заваривают крышку.

— Ты видела?

Ирина кивнула.

— Координатор прислала. Я ей сказала, что мы вчера вместе были. Она спросила, проводить ли сегодня занятие.

— Что ты ответила?

— Что не мне решать.

Марина села. За соседним столом две женщины обсуждали, сколько времени осталось до экскурсии. Одна завернула сыр в салфетку, другая сделала вид, что не заметила.

— Я могу провести, — сказала Марина. — Только мне нужно быть на телефоне.

— Тогда отложим твою часть на вторую половину. Сергей сейчас вышел курить, придёт — поменяемся.

— Спасибо.

Ирина смотрела на неё внимательно и без любопытства. Они были знакомы третий год, встречались на таких мероприятиях, переписывались о работе. Марина не знала, что Ирина думает о ней вне этой работы, и до сегодняшнего утра это не имело значения.

— Можно спросить? — сказала Ирина.

Марина поставила чашку.

— Давай.

— Ты знаешь, откуда кадры?

— Есть одна съёмка. Нужно проверить.

— Тогда так и говори. Не «это монтаж». Люди думают, если монтаж, значит, лицо приделали. Я тоже так сначала подумала.

— Там нет ничего, что доказывает дату.

— Да. Но если ты начнёшь с этого, прозвучит так, будто цепляешься за цифры.

Сергей пришёл в мокрой куртке, с сигаретным запахом, который он пытался прикрыть мятной жвачкой.

— Ночной звонок сохранил, — сказал он. — Я там выгляжу отвратительно, если понадобится скриншот, предупреждаю.

— У меня вообще нет записи нашего разговора.

— У меня тоже. Есть время и память о твоём стуле. Никогда не думал, что стану свидетелем стула.

Ирина улыбнулась, и Марина впервые за утро смогла откусить хлеб.

Они договорились не распространять между слушателями подробности. Координатору Марина позвонила сама. Предложила переставить практическое занятие, подтвердила, что проведёт его, если не возникнет необходимости ехать на беседу. Координатор сказала, что ей нужно подумать о группе, и Марина услышала в этом отказ раньше, чем женщина закончила фразу.

— Люди заплатили, — сказала та. — Я не хочу, чтобы они вместо занятия получили пресс-конференцию. Давайте я поговорю с ними. Мы можем оставить только вопросы по теме, без обсуждения того ролика.

— Да. Спасибо.

У стойки регистрации было пусто. На стене позади администратора висели три одинаковых ключа на деревянных брелоках — декоративных, потому что двери открывались картами. Марина обратила внимание на них, пытаясь не смотреть на экран компьютера, скрытый от гостя.

Администратор, молодая женщина с аккуратной чёлкой, выслушала её и попросила паспорт.

— Документы по вашему проживанию распечатаем. Чек у вас на почте?

— Да. Но можно ещё бумажный?

— Конечно.

Принтер выдал две страницы. Женщина поставила подпись там, где требовалось, и вернула паспорт. Марина спросила про ночного коллегу и записи камер.

Администратор изменилась в лице, хотя совсем немного: вежливое внимание стало служебным.

— Записи гостям мы не показываем. Там другие люди.

— Я не прошу всех. Только ту минуту, когда я в коридоре.

— Я не могу сама выбрать и передать.

Марина хотела сказать, что ей нужно доказать очень простую вещь, что на этой минуте всё видно и ей нечего скрывать. Потом увидела, как женщина обвела ногтем край листа. От неё тоже чего-то требовали люди, которым казалось, что их случай важнее правил.

— Можно попросить управляющего сохранить записи за вчерашний день и ночь? Если будет запрос. Я напишу заявление с промежутком времени.

— Да, это можно. Я передам.

Администратор дала ей чистый лист. Марина указала номер, время приезда и ночной заказ воды; описала просьбу сохранить материал, а не дать ей доступ. Сфотографировала подписанное обращение с согласия сотрудницы. Ни один из этих шагов не приносил немедленного облегчения.

— Ночью был Александр, — сказала администратор, когда Марина убирала бумаги. — Сегодня заступит вечером. Но я могу передать, чтобы позвонил управляющему, он уже знает.

— Спасибо.

— У вас что-то произошло?

Марина могла отмахнуться. Она представила, как женщина сама находит ролик после её ухода и вспоминает, что гостья утром требовала камеры.

— Старую запись со мной выдают за сегодняшнюю ночь. В Москве. Я была здесь.

Администратор посмотрела на распечатку у неё в руках.

— Поняла. Управляющему я скажу.

К стойке подошёл мужчина с расстёгнутой сумкой через плечо. Марина шагнула в сторону, пропуская гостя, но он остановился перед ней.

— Марина Ковалёва?

Она держала паспорт и распечатку вместе. Мужчина посмотрел на лицо, потом на телефон.

— Я по тому материалу. Можно коротко? Только вашу позицию.

— Я здесь работаю. Объяснение будет письменно.

— Вы не отрицаете, что на записи вы?

Администратор перестала печатать. Марина посмотрела на мужчину: мокрые волосы, тёмная куртка, сумка, в которой ничего не доставал. Не представился.

— Как вас зовут?

Он назвал имя и небольшое интернет-издание. Марина не знала его. Попросила прислать вопросы по адресу, который собиралась указать в сообщении.

— Пока адреса нет, можно один вопрос? Вы говорите, старый материал. Откуда знаете?

— Вы откуда знаете, что он новый?

Мужчина улыбнулся. Не смущённо — так, словно наконец получил разговор, за которым пришёл.

— Именно это и хочу проверить. Вы специалист. Аудитории трудно понять, где настоящая женщина, где обработанная.

— Женщина настоящая. Дата другая.

Он поднял телефон чуть выше. Марина не видела экран.

— Записываете?

— Если вы против, я могу только текст. Но вы же сами хотите объяснить.

Она убрала паспорт под распечатку, чтобы фамилия и номер не оставались перед его телефоном.

— Вы можете опустить его?

Мужчина опустил руку на несколько сантиметров.

— Значит, участвуете в старых постановочных съёмках. А в вашей профессиональной работе тоже бывает постановка?

— Бывает.

Он быстро взглянул вниз. Марина поняла, что слово уже получилось готовым. Можно было ответить длиннее, назвать фильмы, согласованные реконструкции, отдельно звук. Он спросил не про них.

— Напишите, какой именно проект вас интересует, — сказала она. — Я отвечу в пределах своей работы.

— Когда вы видели Бородина последний раз?

Край паспорта согнулся у неё в пальцах.

— Сведения о Никите передам следователю. Вам сейчас не буду пересказывать.

— Вы с ним общались перед исчезновением?

— Пришлите вопросы.

Он смотрел так, будто именно это было важнее услышанного. За её спиной подошла пожилая пара с чемоданом. Женщина спросила, можно ли поставить вещи у стойки. Марина подвинулась, мужчина шагнул следом.

— Вы понимаете, молчание тоже увидят? Я дам ваши слова. Или отмечу, что отказались отвечать.

— Отметьте, что я попросила письменные вопросы.

Администратор положила рядом с паспортом конверт для бумаг.

— Вы гость гостиницы? — спросила она мужчину.

— Нет. Я сейчас уйду. Мне нужен комментарий, человек публичный.

— Здесь оформляют проживание. Разговор у стойки мешает.

Он показал на холл.

— Можно там. Одну минуту.

Марина не пошла. Мужчина подождал, затем достал визитку, положил на стойку. Визитка была влажная, один угол загнулся.

— Контакты есть. Если хотите, чтобы вас услышали, напишите.

Он вышел. Марина дождалась, пока стеклянная дверь закроется, и положила паспорт в сумку. Под ним была мокрая полоса от её ладони.

— Вы хотите, чтобы я вызвала управляющего? — спросила администратор.

— Не нужно. Я поднимусь.

Она взяла конверт и визитку. Обернулась у лифта. Мужчина стоял снаружи под козырьком и смотрел на телефон; уйти мимо него к завтраку было бы ещё одним разговором. Марина нажала кнопку своего этажа.

Координатор семинара позвонила, пока лифт поднимался.

— Мне написали два слушателя. Спрашивают, не отменится ли практика. Я ответила, что программа в силе. Это так?

— Да.

— Если не можете, сейчас скажите. Я смогу поставить Сергея раньше.

Марина посмотрела на этажи, меняющиеся над дверью. Отдать практику Сергею было просто; её ноутбук уже лежал в номере, материалы можно переслать. В программе останется пустое место с фамилией, которую все успеют найти.

— Я могу. Но нужно, чтобы в зал не пришли за комментарием. Сейчас меня нашли в гостинице.

— Зал по регистрации. Я скажу на входе.

— И не делайте, пожалуйста, объявление про меня.

— Я не собиралась. Нам просто нужно провести занятие.

Двери лифта открылись. Марина стояла, пока сзади не попросили пройти. Вышла, остановилась возле стены.

— Если кто-то спросит в зале?

— Вы можете ответить, что после. Или не ответить. Я не смогу всем запретить спрашивать.

— Хорошо.

Координатор отключилась. Марина прочла имя на визитке, отправила Саше номер и коротко описала разговор. Указала, что не знает, записывал ли он. Потом достала ключ-карту: лежала отдельно от паспорта, пришлось искать в кармане.

В номере она открыла практическую задачу. В первом упражнении слушатели должны были убрать повторный вопрос, сохранив ответ. Марина смотрела на последовательность кадров и никак не могла вспомнить, почему вчера выбрала именно этот разговор. Нажала пробел. Мужчина на экране ответил на вопрос и спросил: «Я понятно сказал?»

Она остановила. За дверью прошла тележка, стукнуло колесо. Марина поставила звук тише, вернулась к началу и открыла свои заметки к занятию. Первая строка была написана до этой ночи.

Телефон показывал новый вызов от неизвестного номера. Она дала ему закончиться и дописала координатору: «Приду к началу. С меня техническая проверка в зале».

Марина положила гостиничные бумаги возле ноутбука. Визитку убрала отдельно. На одной странице край печати размазался от её пальцев; она сфотографировала обе, пока текст ещё читался. В списке рядом с ночным звонком записала, что Сергей сохранил сведения о нём. Он уже сказал это за завтраком, даже пошутил про стул. Марина проверила, что его номер есть в перечне для Саши.

Она вернулась к подготовленному сообщению. Время ночного звонка оставила в списке для проверки, а в открытый текст не добавляла. Сергей не должен был узнать о своём появлении в чужой истории из комментариев. Марина написала ему, что передаст контакт адвокату. Саша всё ещё проверяла формулировки.

Саша проверила подготовленный текст и убрала из него слово «клевета». Марина прочла сообщение вслух перед публикацией: «Со вчерашнего утра я нахожусь в Нижнем Новгороде на рабочем семинаре. В Москве этой ночью не была. Документы о поездке и контакты людей, которые находились рядом, готова передать проверяющим. Происхождение опубликованных кадров выясняю. Достоверных сведений о местонахождении Никиты Бородина у меня нет».

Пять предложений. Никакого видеообращения. Она разместила текст на собственной странице и отправила ссылку тем заказчикам, которые уже спрашивали.

Один ответил: «Понял, не отвлекайтесь, подождём с правками».

Другой — «Наш отдел попросил поставить оплату на паузу до выяснения».

Третья заказчица, продюсер образовательного проекта, позвонила лично. Сказала, что сотрудничество пока не отменяет, но у неё есть партнёры, которым придётся объяснять происходящее. Марина поймала себя на желании попросить её не верить ролику. Это прозвучало бы как требование доверия, на которое договор не распространялся.

— Пришлю проверенные сведения, как появятся, — сказала она.

— Хорошо. И береги себя.

К полудню под её сообщением были десятки комментариев. Люди ссылались на семинар; кто-то выкладывал свою фотографию из зала. Другие отвечали, что поездка могла быть ширмой. Один незнакомец подробно объяснял, как можно оставить телефон в гостинице и уехать. Он не рассматривал расстояние и собственное отсутствие оснований, но рассматривал её профессиональные возможности.

В половине первого позвонила Валентина Петровна, Никитина мать. Её номер сохранился с того времени, когда Никита лежал с воспалением лёгких, а Марина везла ему из офиса диск и продукты. Они после этого обменивались поздравлениями на Новый год. Марина никогда не звонила ей без повода.

— Ты в Нижнем? — спросила Валентина Петровна.

— Да. Вы видели моё сообщение?

— Мне Лена твоя переслала. Никита вчера к ужину собирался заехать. Я подумала, что заработался. Он иногда забывает позвонить, ты же знаешь.

— Знаю.

— Но он должен был привезти документы. Они у него лежали готовые, он днём мне сказал. И теперь телефон выключен. Марина, ты с ним вчера говорила?

— Он позвонил, когда я выступала. Я написала, что наберу утром.

— Что написал?

— Не ответил.

В трубке зашуршала бумага. Марина слышала чужие голоса, звук открывающейся двери. Валентина Петровна была не дома.

— Где вы сейчас?

— В полиции. Уже приняли заявление. Я сначала не знала, можно ли так быстро, но сказали, ждать не нужно. Сейчас ещё спросят про знакомых.

— Скажите, что я здесь. Я дам всё, что нужно. И если вам чем-то помочь…

Она осеклась, не найдя ничего, что могла бы привезти или сделать из гостиничного номера. Продукты тогда были понятной помощью. Диск тоже.

— Ты только ответь им, когда позвонят, — сказала Валентина Петровна. — И мне. Не выключай, пожалуйста.

— Не выключу.

Заявление приняли. Значит, исчезновение больше не было подписью под чужим роликом. Никитина мать стояла в коридоре с его документами, а он не отвечал ни ей, ни Марине.

Она подвинула ноутбук к себе и открыла их переписку. Теперь искать нужно было не только собственное пальто.

Глава 3. Не улика

Практическое занятие она всё-таки провела. Убрала из презентации пример с ложной связью между двумя планами: сегодня он слишком легко превращался бы в разговор о ней. Вместо этого дала участникам шестиминутное интервью с владельцем мастерской и попросила сократить его вдвое, не меняя смысла.

Они работали парами. Спорили, нужно ли оставлять историю про сломанный станок, которую мужчина рассказал перед ответом на главный вопрос. Марина ходила между столами, смотрела на экраны, слышала своё имя только там, где её звали помочь. Ей стало немного легче.

На двадцатой минуте телефон завибрировал. Она вышла в коридор. Звонивший представился сотрудником местной полиции и сказал, что с ней хотят поговорить в связи с сообщением об исчезновении Бородина. Марина записала имя, подразделение, номер. Объяснила, что перезвонит после проверки контакта. Сотрудник не обиделся: повторил, где его можно найти, и спросил, когда она заканчивает занятие.

Через Сашу и дежурную часть контакт подтвердили. Марина согласилась приехать после семинара, взяв документы. Она сообщила об этом Ирине и попросила завершить обсуждение последних работ.

— Справишься одна? — спросила Ирина.

— В отделе?

— Вообще.

Вопрос был слишком большим для коридора конференц-зала. Марина кивнула и вернулась к группе.

Один из участников, мужчина с двумя телефонами, поднял руку.

— А если нам нужно, чтобы герой выглядел увереннее? Он ведь по делу говорит, просто постоянно сомневается.

— Тогда сначала спросите, уверен ли он в том, что вы оставили, — сказала Марина.

— Но заказчик просит убрать все «наверное».

— У него есть право хотеть бодрый ролик. У героя есть право не утверждать того, чего он не утверждал.

Мужчина принял это без спора и вернулся к экрану. Марина ещё некоторое время стояла возле его стола. Накануне она ответила бы подробнее, предложила техническую последовательность, объяснила, где можно сократить паузу, а где нельзя. Сейчас ответ вышел почти раздражённым. Участник не был ни её обвинителем, ни виновником происходящего.

— Посмотрим вашу версию после перерыва, — добавила она. — Возможно, получится собрать точнее и без всех междометий. Только смысл сначала.

После перерыва пришлось возвращаться к обещанному просмотру. Мужчина с двумя телефонами подошёл к общему компьютеру и открыл свою последовательность. Представился Романом. Второй телефон положил рядом экраном вниз, как будто показывал, что теперь не отвлекается.

На экране владелец мастерской рассказывал, что новое оборудование уменьшило число ошибок. В исходном разговоре он уточнял: пока наблюдают только одну линию, две другие ещё работают в прежнем режиме. Роман убрал это объяснение и оставил уверенный ответ. Получилось красиво, с хорошими переходами на работающий станок.

— Я не менял порядок, — сказал он. — Просто сократил. На переходах ничего не прыгает.

Марина сначала хотела указать спорное место вслух. Вместо этого попросила включить исходник с вопроса. Роман поискал файл, замялся: на учебном компьютере ссылка потерялась после переноса папки. Она подошла, восстановила путь к записи. Движения были привычные,

почти успокаивающие: найти носитель, указать каталог, проверить совпадение имени. Здесь сбой не требовал угадывать чужой мотив.

Исходник запустился, но колонки молчали. Сергей поднялся, проверил разъём. Один провод отошёл, когда двигали стол. В зале кто-то тихо засмеялся. Марина тоже улыбнулась, впервые не думая о том, как улыбка выглядит со стороны.

Звук появился. Они прослушали вопрос, ответ и уточнение. После слов о двух старых линиях Роман потянулся к мыши.

— Понял. Можно написать цифру в титре.

— Какую?

— Что проверили на одной линии.

— Можно. Но тогда герой остаётся человеком, который сказал осторожнее, чем мы показываем. Давайте попробуем не только титр.

Они нашли другую часть того же ответа. Владелец мастерской говорил короче: «По этой линии уже видим разницу». Роман вернул её в начало, потом слишком резко перешёл на станок. Марина предложила взять нейтральный план, где человек держит деталь, а не монтажную последовательность, создающую впечатление, будто вся мастерская уже работает по-новому.

— Так медленнее, — сказал Роман.

— На три секунды.

Он посмотрел на таймер, попробовал. Получилось на четыре. Они убрали повторную перебивку. Общее время почти не изменилось.

Женщина из другой пары подняла руку.

— А почему нельзя просто оставить весь ответ? Тогда никто не ошибётся.

— Можно, — ответила Марина. — Если он помещается в вашу задачу. Здесь задача — сокращение. Нам не нужно притворяться, что сокращений не существует. Нужно выбрать, что мы обязаны сохранить.

Роман включил новую версию. Владелец мастерской больше не обещал результата за все линии. Изображение осталось хорошим. Мужчина за первым столом сказал, что теперь яснее, что именно проверили. Женщина, спросившая про весь ответ, попросила сохранить обе версии для разбора.

Марина уточнила условия учебного доступа: использовать их только в оговорённой группе, не распространять с настоящей фамилией героя как самостоятельный пример. Затем вспомнила, что произнесла это устно, и попросила координатора дополнить письмо к материалам тем же указанием. Координатор кивнула и сделала запись в блокноте.

Оставшиеся десять минут Ирина взяла на себя. Марина собирала документы у стены, стараясь не шуметь сумкой. Роман подошёл, вернул флешку с выданными материалами и поблагодарил за просмотр.

— Надеюсь, у вас всё нормально закончится, — сказал он тихо.

— Спасибо, — ответила Марина. — По занятию я доступна письменно. Если найдёте ошибку в выдаче, сообщите.

Он кивнул и вернулся к группе. Ирина объясняла, где лежит общая папка. Марина вышла, не оглядываясь на экраны.

В местном отделе её провели в небольшой кабинет с серой мебелью. Полицейский, представившийся Максимом Сергеевичем, положил на стол чистые бланки и спросил, не хочет ли она воды. У него на запястье была широкая спортивная резинка, а на подоконнике стоял горшок с засохшим растением. Марина посмотрела на часы, чтобы не спрашивать, долго ли это займёт.

Он объяснил, что получает её рассказ для проверки сообщения, уточнил данные, права, возможность юридической помощи. Саша заранее сказала, что на этой стадии речь идёт об объяснении, и просила внимательно прочесть записанное. Марина держала её контакт под рукой.

Сначала были простые вопросы. Когда приехала в Нижний Новгород. Как добралась. Кто пригласил. В каком номере проживает. Она передала копии билетов, программу семинара, документы гостиницы. Оригиналы остались у неё.

— На билетах, кроме вашего имени, ещё что-то нужно? — спросила она.

— Сейчас посмотрим, что есть. Если потребуется дополнительно, свяжемся. Где вы были вечером?

Марина отвечала по списку, но не читала его вместо воспоминания. Ужинала с коллегами. Возвращалась пешком. Звонила подруге, затем работала в номере. Получила воду. Созвонилась с Сергеем.

— Воду принесли во сколько?

— Около половины второго. Точное время не помню.

Он записал «около». Марина зачем-то обрадовалась этому слову: ей не предлагали сделать память более точной, чем она была.

— А по телефону после двух время есть?

Она показала журнал вызовов, сообщила контакт Сергея. Максим Сергеевич уточнил, видели ли они друг друга во время разговора.

— Да. Сначала работали со звуком, потом я включила камеру. На сколько минут — не скажу.

— Можно будет связаться с этим человеком?

— Конечно. Я предупредила его, что может понадобиться подтвердить разговор. Что именно говорить, не просила.

Полицейский посмотрел на неё чуть внимательнее, но ничего не сказал. Марина ощутила, что последняя фраза прозвучала заученно. Она уже училась разговаривать в мире, где любое уточнение можно было принять за оправдание.

Про Никиту говорить оказалось труднее. Они работали вместе несколько лет с перерывами, не были родственниками, не встречались. Иногда ездили на съёмки. Он приглашал её в проекты, она его — в свои. Марина назвала примерно, когда видела его последний раз.

— Примерно — это как?

— Три недели назад. В кафе возле его монтажа. Я найду переписку, там договаривались.

Нашла. Двадцать первого сентября. Никита был раздражён, но она не знала, связано ли это с тем, что произошло теперь. Он рассказывал, что опять приходится выдавать заказчику исходники, а потом гадать, что заказчик с ними сделает. Марина тогда ответила: «Разграничивай в договоре». Они обсуждали это за вторым кофе.

— Он говорил об угрозах?

— Нет.

— Называл кого-то?

Марина попыталась вспомнить. На неё тут же накатила уверенность, что он произнёс какую-то фамилию. Но уверенность была произведена сегодняшним страхом. Она видела Никиту за столом, помнила растёкшуюся пену в чашке и телефон у его локтя. Конкретной фамилии не помнила.

— Не могу сказать. Про заказчиков говорили, но я не уверена, кто это был.

Максим Сергеевич записал ответ без недовольства. Потом набрал рабочий номер и, получив согласие Марины, включил громкую связь. На другом конце представилась Ирина Семёнова. Она была в Москве, занималась проверкой обстоятельств исчезновения Никиты. Голос звучал глухо, как будто женщина сидела далеко от аппарата.

Семёнова уточнила несколько уже заданных вопросов. Марина услышала, как Максим Сергеевич передвигает бумаги, чтобы назвать номера представленных документов.

— Поездку проверят отдельно, — сказала Семёнова. — Сейчас хочу понять, откуда могли взяться кадры. Вы говорите, похожее пальто у вас есть?

— Это моё пальто. Я думаю, в кадре я.

— Думаете или узнаёте?

— Узнаю себя. Но источник самой записи пока не установлен.

— Вы помните, что снимались в таком пальто?

— Да. Зимой был учебный проект. Ещё несколько рабочих съёмок. В пальто меня могли снять и без специальной постановки.

— С Бородиным учебный проект делали?

— С ним. Для «Ракурса». Там показывали, как одно изображение может означать разное в зависимости от подписи.

Возникла пауза. Марина подумала, насколько нелепо это должно звучать для Семёновой.

— Кто ставил задачу? — спросила та.

— Никита координировал. У студии был заказ на внутреннее обучение. Свою часть договора найду. Оператор Жанна, фамилию сейчас посмотрю.

— Где снимали?

— В доме со служебным помещением студии. Точный адрес не помню. Я была там, кажется, два раза.

Марина вдруг захотела объяснить, что это не провал памяти. Она помнила сам дом, подъём по лестнице, комнату с раскладным столом. Адрес пришёл отдельным сообщением в общей группе, куда она больше не заходила. Но оправдываться за него не потребовалось.

— Адрес можно будет восстановить по документам и переписке, — сказала Семёнова. — Когда найдёте, передайте. На опубликованном видео вы узнаёте помещение?

— Что-то знакомое. Пока не могу подтвердить.

— Там обозначено, что запись из дома на Новослободской. Коридор на втором этаже. Квартира Бородина тоже в этом доме, но само видео мы от владельца камеры не получали. Подпись в канале — отдельная информация.

Марина попросила повторить адрес. Записала его на обороте собственной копии программы. Дом оказался тем самым: номер она не помнила, но знала, где поворачивает двор и почему такси в январе остановилось не у нужной арки.

— «Ракурс» ещё там? — спросила она.

— Вы должны мне сказать, где с ним работали.

— На втором этаже было помещение. Кажется, семнадцатое.

— Служебное помещение семнадцать?

Марина обвела число ручкой.

Семнадцать. Узкая бумажная табличка на внутренней стороне двери. Снаружи до съёмки сняли логотип студии. Остался прямоугольный след от клея, и художника на проекте не было, чтобы скрыть его лучше.

— Да, — сказала Марина. — Семнадцать.

— Что сейчас вспомнили?

Она подняла голову. Максим Сергеевич уже не писал, ждал ответа.

— На двери был след от таблички. В ролике он есть. Нужно сравнить.

— Вспомнили съёмку именно там?

— Да. Возможно, тот выход снят в январе.

Марина понимала разницу между «возможно» и «точно», но телу не требовалось подтверждение. Она почти чувствовала холодный подклад пальто у запястья. Никита говорил за камерой: «Сейчас открой, подожди и выходи. Только не играй виноватую». Она засмеялась и спросила, какую ещё нужно играть, если он заставляет её выходить от мужчины в учебном фильме о недостоверных уликах.

— Постарайтесь найти всё, что осталось от того проекта, — сказала Семёнова. — Договоры, переписку, контакты участников, доступные вам рабочие файлы. Не редактируйте оригиналы. Не нужно самим ехать в этот дом и опрашивать жильцов.

— А ролик…

— Про ролик вывод сделаем после проверки. С вашим местонахождением тоже разберёмся. Мне сейчас важно, кто знал об этих кадрах и имел к ним доступ.

Марина хотела спросить, что уже известно о Никите. Семёнова сказала лишь, что сообщение проверяют, обстоятельства устанавливают, и попросила оставаться доступной. Она не обещала вечером позвонить с хорошими новостями. От этого разговор казался честнее, но легче не стал.

Перед подписью Марина прочла своё объяснение. В одном месте получилось, будто она утверждает январское происхождение ролика. Она попросила исправить на предположение и добавить, на чём оно основано. Максим Сергеевич внёс уточнение. В другом месте он ошибся на одну цифру в её рабочем номере; она поправила и это.

Когда всё закончилось, он показал, куда передать найденные сведения, и проводил до выхода. На лестнице Марина проверила телефон. От Погодина пришли ещё два вопроса, оба о том, почему она «уклоняется от полноценного комментария». Она не открыла их.

Снаружи моросило. Такси ждало по другую сторону улицы, водитель мигнул фарами. Марина пересекла дорогу на зелёный, держась подальше от лужи у бордюра, и уже в машине достала сохранённую копию ролика.

На маленьком экране было трудно увидеть клей. Она увеличила дверное полотно до расплывчатого коричневого поля и нашла прямоугольную тень там, где ожидала. У края кадра белела рука. Её рука.

Память вернула следующий момент — то, чего не было в публикации. Марина должна была выйти, забыть сумку, вернуться и выйти снова. В первом дубле она сделала всё наоборот и осталась стоять в двери, дожидаясь команды. Никита сказал, что это тоже годится: зритель никогда не узнает, чего она ждёт, если не дать ему предыдущие секунды.

Вирусный ролик начинался уже после ожидания.

— В гостиницу, правильно? — спросил водитель.

— Да.

Она посмотрела на замершую картинку. В январе они сняли именно то движение, которое сейчас обсуждали тысячи людей. Никакого цифрового двойника не потребовалось.

Марина помнила, как вышла из этой двери. И помнила, кто попросил её выйти.

Глава 4. Девять месяцев назад

В старом рабочем чате студии обсуждали обед.

Марина пролистала сообщения к январю и сначала нашла длинный спор о том, заказывать ли пиццу. Никита настаивал, что после пиццы люди не способны отличить вторую смену от смерти, координатор предлагал суп, оператор Жанна спрашивала, есть ли ложки. Всё это произошло за час до съёмки, которую теперь представляли последним визитом к исчезнувшему человеку.

Она сидела в гостиничном номере, не снимая мокрого свитера. Вопросы об обеде успокаивали сильнее, чем документы о собственной поездке. Здесь были живые люди, которым ещё ничего не угрожало. Они ждали суп, искали батарейки, просили не занимать розетку чайником.

В закреплённых сообщениях сохранился адрес. Совпал.

Ниже лежал PDF с расписанием. Марина скачала его отдельно, не переименовывая исходный файл. Время сбора — 10:30. «Сцена коридор / постановочный учебный материал». Участники: Никита Бородин, Марина Ковалёва, оператор Жанна Резникова. От студии — координатор Артём. Внизу мелким шрифтом было указано, что согласия участников и условия использования оформляются отдельными документами.

Девятнадцатое января.

Она проверила фотографию из того дня. В собственном телефоне нашла только снимок оконного замка: ручка не закрывалась, и Марина отправила фотографию координатору, чтобы в следующий раз не приезжать в холодную комнату. В отражении на стекле угадывалось жёлтое пятно пальто. Человек, которого нужно было увидеть, занимал в этом кадре меньше места, чем неисправная ручка.

Марина поставила чайник и продолжила поиск договора. Он лежал не в папке студии, а вместе с закрытыми заказами, под номером приложения к общему договору на услуги. Деньги за январскую смену были небольшие; она согласилась, потому что Никита просил выручить и им понадобился узнаваемый герой для учебного разбора.

Саша получила копии, попросила прислать также приложение и согласие на съёмку. Марина нашла оба. В согласии была формулировка про учебные демонстрации и внутренние презентации. Слова «внутренние» теперь хотелось обвести толстой линией, но она отправила документ без подчёркиваний.

— Это уже подтверждает, что публикация ложная? — спросила она, когда Саша перезвонила.

— Ваше участие подтверждает. Мне ещё нужен файл, Марина. Иначе я приложу договор, а в ответ получу: это другая запись. Кто дописал дату и кто выложил — будем устанавливать отдельно.

— Там дверь та же.

— Это важный признак. Передайте его проверяющим вместе с документами. Но пока не пишите, что у вас уже есть оригинал.

Номер Жанны остался в чате. Марина набрала его, получила автоответчик и написала: «Нужна январская съёмка в коридоре на Новослободской. Со мной в жёлтом пальто. Материал используют с ложной датой. Никита не выходит на связь, заявление уже подано. Когда сможешь, позвони».

Жанна была на съёмках вне города: это следовало из её последнего сообщения двухдневной давности в общем разговоре операторов. Марина не знала ни места, ни длительности работы. Попросить всё бросить можно было, но от просьбы камера, диски и архив не оказывались рядом с человеком.

Она отправила сведения Семёновой по согласованному каналу и поставила в собственном реестре: «Адрес совпал. Найдено расписание 19 января. Исходного видео нет». Потом скопировала эту строку в записную книжку. Ей нужно было увидеть её на бумаге, где не выскакивали чужие уведомления.

Чайник выключился. Марина налила кипяток в чашку и только тогда заметила, что пакетик лежит на столе, а не внутри. Вода уже была, она опустила пакетик и прижала ложкой. Сама бы ничего не сказала, увидев, как человек делает так, но собственная маленькая рассеянность раздражала.

Из января вернулся запах холодного помещения и горячей еды в пластиковых контейнерах.

В тот день Марина приехала позже остальных, потому что водитель не смог найти въезд. Никита встретил её у арки, без куртки, в сером свитере и с ключами на ярком шнурке. Шнурок он только что купил в строительном магазине, чтобы не искать ключи между диванными подушками.

— Ты решил умереть до начала съёмки? — спросила она.

— Не могу. У меня на вторую половину дня запланирована смерть по другому заказу.

Он взял сумку с ноутбуком, подвёл к лестнице. Дом был старый, после частичного ремонта. На стене у входа висела новая лампа, чуть выше оставалось пятно от старой; их так и не свели к одному цвету. Внутри пахло краской, мокрыми подошвами и кофе.

Жанна стояла на площадке, прикрепляя камеру на кронштейн. Камера была маленькая, съёмочная, с объективом пошире, чтобы похожа была на обзорную. Высоты не хватало, и Жанна попросила стремянку.

— Из этого ракурса человек узнаваемый? — спросил Никита.

— Если хочет, чтобы его узнали. Если не хочет, становится искусством.

— Нам нужно между.

— Все заказчики хотят между. Принеси стремянку.

Координатор Артём вытаскивал из помещения кабель. Ему было холодно, он не выпускал из руки картонный стакан. Марину попросили пока не снимать пальто.

Снимать собирались три короткие ситуации для разбора: женщина выходит из помещения, мужчина передаёт ей конверт, она возвращается за забытой вещью. Из них потом хотели сделать несколько версий с разными подписями. Один вариант превращал обыкновенный рабочий визит в подозрительную встречу, другой показывал, как зрителя подталкивают к выводу последовательностью кадров.

Марина спросила, кто будет разбирать.

— У них свой тренер, — сказал Никита. — Мы отдаём основу и технические варианты. Полная сцена должна лежать рядом, чтобы показать, что отрезали.

— И маркировка?

— В сборке, конечно. Это учебное.

Она помнила эту реплику совершенно отчётливо. Но в памяти вместе с ней было собственное согласие: да, всё понятно. Она не спрашивала, как и где хранят полную сцену после передачи. Не считала это частью своей задачи.

Жанна забралась на стремянку, выровняла горизонт и сделала пробный проход с Артёмом. Сначала край открытой двери закрывал лицо, потом камеру передвинули. Марина стояла в помещении и слушала, как они называют её просто «героиня», обсуждая, куда должна повернуть голову.

На двери держалась табличка «17». Никита снял её и положил в шкафчик возле обуви.

— Почему внутри номер, а снаружи ничего? — спросила Марина.

— Потому что арендаторы меняются чаще табличек. Снаружи недавно было «Ракурс», но в материале нам логотип не нужен.

Снаружи, под прежним логотипом, осталось светлое пятно. Артём принёс салфетку, попытался стереть клей. Сделал хуже: прямоугольник вытянулся неровной полосой.

— Оставь, — сказала Жанна. — Иначе до обеда будете мыть стену.

Первый проход Марина испортила. Услышав «начали», открыла дверь, вышла, вспомнила, что сумка должна остаться внутри, и замерла. Никита не стал прерывать. Она посмотрела в его сторону, он махнул рукой, предлагая продолжать. Марина развернулась за сумкой и, вернувшись, спустилась на четыре ступени.

— Убрать звук, подписать «нежданная встреча», и у нас готово, — сказал Никита.

— Очень смешно.

— Вообще-то в этом и смысл. Человек делает ничего, а мы можем подписать что угодно.

На втором проходе ремень зацепился за ручку. Никита помог его освободить, а Артём поправил ручку перед новой попыткой. Жанна попросила Марину не спешить, выйти спокойно. На третьем варианте Марина придержала дверь рукой, чтобы та не ударила по сумке. Никита проверил картинку, сказал, что именно такой нужен: бытовой, не слишком красивый.

Потом снимали конверт. Он был пустой. Артём пытался передать его торжественно, словно внутри деньги, и Марина предложила положить бумагу, чтобы никто не думал о пустоте. В конверт сунули распечатанное расписание, где было написано про суп. Она узнала её, пока расправляла край: чуть испачканная страница, угол помят.

Они закончили коридор раньше обеда. Марина сняла пальто, а Никита проветрил комнату, насколько позволял неисправный замок. За столом обсуждали работу, штрафы за просрочки, список правок от клиента, который просил «сохранить естественный разговор, но сделать каждого участника умнее». Жанна сказала, что лучше снять сразу умных. Никита ответил, что на них денег нет.

Сцена должна была учить зрителя осторожности, и Марина тогда думала, что участвует в полезной работе.

Позже они сняли несколько крупных планов в комнате, передали документы, разъехались. Жанна собирала свои карты сама. Артём попросил выгрузить материал на студийный диск, Никита сказал, что всё скопируют вечером. Марина уехала первой. Ей нужно было доделать оплаченный фильм, в котором не хватало полуминуты до согласованной длины.

В гостинице она открыла календарь за девятнадцатое января. На вечер было записано именно это: «Экспорт до 23:00». Не «проверить полный комплект учебного проекта», не «уточнить хранение реконструкции». Следующая работа.

Чашка успела остыть. Марина сняла свитер, высушила край рукава гостиничным феном. Снаружи у окна стоял Сергей, махнул ей, заметив движение за шторой. Она показала ладонью, что позвонит позже. У него ещё шла обычная рабочая поездка, хотя он уже оказался участником её будущего алиби.

Лена попросила включить видео. На её кухне кипела кастрюля, рядом на разделочной доске лежали три очищенные моркови. Марина узнала сколотый край доски: когда-то они вместе купили её на рынке, и Лена не хотела заменять, потому что новая помещалась в раковине хуже.

— Я почти уверена, что это январь, — сказала Марина. — Там у двери след от снятой таблички.

— А сами кадры?

— Ищем. Жанна на съёмке. Я написала.

— Хорошо. Что с Никитой?

— Ничего нового.

Лена сделала огонь тише и вернулась к телефону. Марина хотела рассказать ей всё про кронштейн, про кабель на полу, про три дубля. Ей нужно было, чтобы кто-то при-

знал, насколько надёжно воспоминание. Но Лена смотрела спокойно, не предлагая радоваться раньше времени.

— Мы тогда специально это снимали, — сказала Марина. — Чтобы показать, как люди верят подписям. Он всё придумал.

— Он придумал снять учебный фильм. Не то, что делают сейчас.

— Я это понимаю.

— Понимаешь. Но ты уже злишься на зрителей, что они не поняли твою учебную задачу.

Марина отвернулась от камеры.

— Они вообще не задают вопросов.

— Некоторые задают. Мне писали с твоего семинара, хотели знать, могу ли я помочь. А другие видят человека в пальто. Они не были с вами на съёмке.

Марина посмотрела на Ленины руки. Та держала морковь, забыв, что собиралась резать. Сейчас подруга могла бы заняться ужином, закрыть разговор и оставить Марину с её правотой. Вместо этого объясняла простую вещь, которую Марина вчера объясняла чужим людям за деньги.

— Я знаю, — сказала она. — Просто очень хочется, чтобы этого хватило.

— Мне хватило. Я тебя знаю. Всем остальным я уже написала, что у тебя есть исходник.

После разговора Марина пересмотрела публикацию уже на ноутбуке, рядом с расписанием. В исходной сцене перед первым выходом были ожидание, её вопрос и движение Никиты у края площадки. Потом дверь закрылась, затем открылась снова. На опубликованном фрагменте — сразу выход с сумкой.

Она не могла вычислить точную длину пропуска из памяти. Пальцы сами хотели поставить на таймлайне отметку, назвать число. Она записала вместо этого: «Предполагаемый фрагмент расположен после первого прохода. До него должна быть видна постановка».

От Жанны пришёл ответ ближе к десяти. Связь у неё была плохая, сообщение состояло из нескольких коротких частей.

«Я всё видела только сейчас».

«Это наша сцена похоже. Картинку глянула на телефоне, точно скажу с нормального экрана».

«Рабочий диск у меня в Москве. Резерв мог остаться, нужно добраться. Не обещаю завтра. Сейчас ещё две смены, потом перегон».

И наконец: «Нашла прокси одного дубля в старой папке на ноуте. Это не мастер и не весь комплект. Могу показать, когда выгрузится».

Марина придвинула стул к столу. Прокси — облегчённая копия для монтажа — не заменял полный оригинал, но мог дать то, что память одна не давала: сцепить опубликованное движение с конкретной съёмкой.

Через полчаса появилась загрузка. Марина скачала файл, отдельно записала, от кого и когда получила. На первой секунде камера покачивалась. Внизу кадра торчал край стремянки. Потом изображение выровнялось, и Никита, стоящий у двери, спросил:

— Марин, ты готова?

— Пока нет, — ответила она из-за двери. — У меня сумка на тебе.

Он рассмеялся, подал сумку в помещение, отошёл. Марина открыла дверь через несколько секунд, но Никита попросил её подождать, пока Жанна закончит с экспозицией.

Она смотрела на живого Никиту. У него были все движения, которых не могла вместить фотография под словом «пропавший»: он почесал висок, дёрнул рукав, придержал дверь плечом. Потом исчез из кадра, и начался знакомый выход.

Марина установила два файла рядом. На опубликованном ролике первым был кадр, где дверь уже открывалась. На облегчённой копии тому же движению предшествовали семь секунд — после команды, прежде чем она взялась за ручку.

За эти семь секунд Никита успел отойти от двери, а Жанна — сказать, что теперь можно. В публикации их не было.

Марина перестала прокручивать. Оставила на экране обе версии, так что в одной она ещё ждала начала, а в другой уже выходила из чужой ночи.

Семь секунд отделяли съёмку от того, что людям предлагали считать преступлением.

Глава 5. Чужая версия

Утром Марина узнала о себе ещё одну вещь: она «отказалась объяснять происхождение кадров».

Погодин опубликовал это между рекламой пластиковых окон и заметкой о затопленном переходе. В заметке было четыре фотографии; в истории Марины — один и тот же фрагмент, который показывали уже второй день. Она увидела пост, когда проверяла, не ответила ли Семёнова на присланные документы.

Семёнова сообщила только, что сведения получены. В публичном канале этого не было.

Марина написала Погодину, что ночью нашла подтверждения январской съёмки. Приложила своё первоначальное сообщение и повторила, что просила его прислать вопросы письменно. Ответ пришёл почти сразу: «Мы готовы отразить новую информацию. Предлагаю прямой эфир сегодня».

Эфир. То, что зрители смогут вырезать через минуту после окончания, подписать её раздражением, сомнением, признанием. Она знала, как это делается, и всё же на мгновение представила, что достаточно появиться в кадре живой и говорить достаточно убедительно.

Саша написала раньше, чем Марина успела согласиться: «Видела обновление. Сначала сохраните. Прямой эфир сейчас не решает вопроса об источнике».

Марина отправила ей скриншот и выключила звук уведомлений, оставив вызовы от известных номеров. С утра уже звонили два человека, требовавшие объяснить, «куда она дела редактора». Один сначала назвал себя сотрудником доставки. Она ответила, что ожидает только документы от гостиницы, а он засмеялся. После этого возможность узнавать по звонку что-то о Никите стала ещё труднее отличимой от очередного чужого развлечения.

Внизу, у стойки, дежурил Александр. Он оказался моложе, чем она помнила: ночью видела только часть лица над подносом. На нём была та же тёмная рубашка, у воротника слегка разошёлся шов.

— Я вас помню, — сказал он. — Вода, чай. Вы ещё спросили, что за гул в коридоре.

Марина не помнила, что спрашивала про гул, а после его слов вспомнила: возле шахты лифта что-то работало громче, чем в номере. Она сказала, что спать не будет, ей просто интересно. Александр объяснил, что это вентиляция.

— Вы сможете это рассказать, если свяжутся? — спросила она.

— Уже говорил с управляющим. Он сказал, передаст мой номер.

— Только не нужно вспоминать точное время, если не уверены.

— У нас заказ в журнале есть. Но когда я принёс, это отдельно не отмечал. Минут через десять, наверное. Был поздний заезд.

Он не обещал больше, чем мог. Марина поблагодарила и попросила оформить остаток документов. Она задерживалась в гостинице ещё на одну ночь: билет был на завтра, а поездку менять не требовалось. Всё оставалось как планировалось, за исключением того, что каждый обычный шаг теперь приходилось хранить.

На улице было сыро, но дождь прекратился. Ирина предложила пройтись до набережной перед своим отъездом. Марина отказалась, затем передумала: сидеть у двух версий записи ещё три часа не значило приблизиться к человеку, который их распространил.

Это был дополнительный день, который Марина ещё до поездки оставила для прогулки по городу. Теперь она всё равно должна была ждать завершения местной проверки, а Ирина успевала до поезда пройтись с ней. Они шли неторопливо, обходя мокрые листья. Ирина несла бумажный стакан, Марина держала руки в карманах куртки. Жёлтое пальто осталось в Москве, в химчистке: она отдала его неделю назад и теперь зачем-то думала о квитанции, как будто та тоже могла что-то доказать.

— Ты после возвращения поедешь к его матери? — спросила Ирина.

— Если захочет меня видеть.

— Она тебе звонила.

— Потому что я могла знать, где он.

— Да. И потому что знает тебя.

На смотровой площадке стояли туристы. Девушка фотографировала молодого человека у парапета и просила не сутулиться. Он расправил плечи, сделал лицо серьёзнее, девушка сказала, что так слишком похоже на паспорт. Марина смотрела на них, пока Ирина пила кофе.

Телефон зазвонил. Антон Савин представился журналистом небольшого издания и сказал, что хочет поговорить о происхождении записи. Название Марина слышала: они делали длинные материалы, которые коллеги пересылали со словами «не читай в дороге, там много».

— Я сейчас не могу, — сказала она.

— Когда сможете?

— Через час. Пришлите имя редактора и ваши контакты. Письменно.

— Пришлю. И вопросы тоже. Вам удобно по видео? Я в Москве, приехать сегодня не смогу.

Марина посмотрела на Ирину. Та отвернулась к реке, давая ей закончить разговор.

— По видео. Только без записи для публикации, пока не договоримся отдельно.

— Разговор могу записать для точности цитат? Саму запись не публикуем без вашего согласия.

Она согласилась после того, как он повторил условия письменно.

В номере Марина поставила телефон так, чтобы за спиной не было кровати. Поправила волосы, потом разозлилась на себя: это рабочая беседа, не ролик о благонадёжности. Оставила всё как получилось.

Антон появился на экране в светлой комнате, на фоне книжной полки и чужого пальто на стуле. У него были тёмные волосы, немного помятый воротник и то выражение человека, который собирается слушать, но не обещает согласиться.

Антон наклонился к экрану.

— Подтверждение от двух участников семинара получил. С оператором ещё не говорил. Вы можете прислать то, что уже есть, пока мы разговариваем?

Она отправила расписание и дождалась, когда он откроет вложение. Хотелось видеть его лицо именно в эту секунду: пусть сам заметит дату.

— Январь, — сказал он. — Хорошо.

— Вы теперь напишете, что меня там не было?

— Я напишу про документы. И позвоню оператору.

За его спиной кто-то потянул пальто со стула. Антон придержал провод наушника, коротко ответил человеку, которого Марина не видела: «Нет, имя можно оставить. Она согласилась на разговор».

— На какой разговор? — спросила она.

Он повернулся к ней.

— Наш. Редактор спрашивал, будет ли комментарий.

— Я слышала про имя.

— В заголовке. Рабочий вариант: «Женщина из записи об исчезновении Бородина показала документы о январской съёмке».

Марина посмотрела на собственное маленькое изображение в углу. Она поправила телефон, чтобы не было кровати. Теперь за ней была ровная стена, и этого тоже оказалось мало.

— У меня есть фамилия.

— В тексте она будет.

— А в заголовке я всё равно женщина из записи.

Он снял один наушник, потом снова вставил.

— Читатель видел ролик. Ему нужно понять, о ком материал.

— Тогда вы сами его и покажете ещё раз.

— Покажу рядом то, что вы прислали.

— Мой договор рядом с чужой датой. И можно снова выбрать дату.

Антон не ответил сразу. Человек за его спиной ушёл; полоса света на двери сузилась. Марина ждала, что журналист начнёт объяснять ей устройство новости. Она уже приготовилась перебить.

— Если я напишу только вашу фамилию, этот материал откроют люди, которые вас знают, — сказал он. — Сейчас его могут открыть те, кто переслал обвинение. Я хочу дойти до них.

— А я хочу перестать быть картинкой, по которой открывают.

Он потёр место над бровью. На экране появилась его рука, закрыла лицо почти целиком.

— Я не обещаю заголовок на согласование. Но передам редактору, что вы против этой формулировки.

— Значит, вы её оставите?

— Не знаю. Ещё нет готового текста.

Марина потянулась к телефону, на котором могла закончить разговор одним касанием. Документы уже лежали у него. Расписание он мог описать и без её дальнейших ответов, отказ тоже мог описать. Она убрала руку.

— Ковалёва. Монтажёр. Если вам нужны ещё два слова.

Антон записал. Ни улыбки, ни обещания, что так и выйдет.

— Расскажите о съёмке, пожалуйста.

Она вдруг захотела ответить так коротко, чтобы он не получил ни одной удобной фразы. Вместо этого открыла январскую папку. Пришлось попросить его подождать: от злости она дважды нажала не на тот файл.

Марина показала расписание, договор и объяснила, что получила облегчённую копию. Он уточнил, от кого, есть ли возможность связаться с оператором, весь ли дубль сохранился и почему камера стояла именно так.

— Мы имитировали обзорный ракурс для обучения, — сказала она. — Не домовую запись. Камера была съёмочная.

— Кому предназначался учебный материал?

— Заказчику студии. Это внутренний проект, я не была организатором.

— Название заказчика знаете?

Она посмотрела в свои документы. В её приложении фигурировал «Ракурс», полный договор клиента был у студии. Крупных логотипов на площадке не было. Никита называл проект обучением для сотрудников агентства, но какое именно агентство Марина сейчас не хотела восстанавливать из расплывчатого впечатления.

— Уточню по документам.

— Хорошо. Знакомы с людьми, у которых хранится студийный архив?

— С координатором. Могу дать рабочий контакт после его согласия.

— Передайте ему мой. Пусть сам решит.

Марина объяснила, что исходная учебная запись была рассчитана на неверное толкование: зрителю должны были сначала показать сокращённый вариант, затем полный. Антон записал её слова и переспросил, существовали ли разные версии.

— Конечно. В этом была задача.

— В сокращённой версии стояла маркировка?

— В окончательной учебной сборке должна была стоять.

— Вы эту сборку видели?

Марина замолчала. Она делала другие технические материалы для студии, часть проектов Никиты редактировала сама, но январскую сцену отдавали дальше. Её роль в тот день была съёмочной. Она не принимала окончательный учебный фильм.

— Нет. Конкретно эту не собирала.

— Тогда так и зафиксируем.

Она хотела добавить, что это не имеет отношения к исчезновению. Но имело отношение к доступу. Кому-то дали кадры, способные работать и без учебного объяснения, а теперь эти кадры нашлись в публичном канале. Это ещё не называло виновника, но закрыть вопрос словами «внутренний проект» было невозможно.

— Вы знаете Никиту давно? — спросил Антон.

Она рассказала об их работе, о последней встрече, о пропущенном звонке накануне первого ролика. Антон уточнил, сохранилась ли переписка, и напомнил, что не следует присылать ему чужие личные разговоры, не относящиеся к делу.

— Вы правда не хотите красивую историю? — спросила Марина.

Он улыбнулся впервые.

— Хочу хорошую. Это другой набор требований.

— Вы уже звонили Погодину?

— Написал ему. Пока не ответил. Указал, что у него в тексте нет подтверждения, от какой камеры получен файл.

Марина показала обе копии, сравнила движение двери. У Антона по видеосвязи часть экрана зависла, и ей пришлось повторить. Она почувствовала почти профессиональную злость: здесь лежало опровержение, достаточно ясное человеку, который знает, что искать, а связь превращала его в набор неподвижных квадратов.

— Я вижу, что есть основания связывать фрагменты, — сказал Антон. — Для публикации мне нужно посмотреть файлы отдельно и поговорить с оператором. И понять, что можно показывать без чужих лиц и разговоров.

— Вы можете хотя бы написать, что дата ложная?

— Пока поставлю рядом: вот файл из канала, вот ваши документы о съёмке. Без слова «доказала». Дадите исходник — проверим дату и ракурс. Тогда заголовок будет другим.

Разговор занял сорок минут. Они договорились, какие документы Марина может передать для ознакомления и какие цитаты он пришлёт на проверку точности. Она не получила обещания одобрять его выводы. Её это раздражало, хотя в работе она бы тоже не отдала герою право менять факты фильма.

Перед отключением Антон сказал, что пытается связаться с человеком, отвечающим за общие помещения дома.

— Он сможет дать камеры? — спросила Марина.

— Не мне. Мне нужно пока понять, что там вообще установлено и считает ли он опубликованный файл их записью.

Она отправила ему контакты студии с согласия Артёма. Координатор ответил сухо: «Могу поговорить вечером. Публикации видел. Сам ничего не передавал». Марина сохранила сообщение и записала, что Артём готов к беседе.

После пяти позвонила Валентина Петровна. Спрашивала, не появился ли Никита в общих чатах, не написал ли кому-то, не мог ли уехать на съёмку без предупреждения. Марина проверила всё, что было ей доступно, сказала, что новых сообщений нет. Мать повторяла одни и те же возможности, словно проверяла на ощупь несколько дверей, за одной из которых должен был стоять сын.

— Он не всегда говорит, куда едет, — сказала она. — Я понимаю. Ему тридцать девять. Я не должна требовать отчёта. Но он обещал.

— Да.

— Документы мне привезти обещал. А там ничего важного, он мог завтра. Просто зачем тогда сказал, что сегодня?

— Как только что-то узнаю, позвоню, — сказала она. — Даже если это будет мало.

Мать попросила только не скрывать плохое. Марина пообещала, хотя сама ещё надеялась, что плохого не окажется.

Вечером Антон прислал короткое сообщение с условиями использования цитаты человека, с которым поговорил. Тот отвечал за связь с собственником общих помещений. Он не видел происхождения распространённого ролика, не передавал его каналам и не подтверждал, что это запись оборудования дома. Официальный запрос ему ещё предстояло обработать вместе с ответственными за систему.

«Это не доказывает, что файла нет у другого человека, — добавил Антон. — Но сейчас оснований называть его сливом с домовой камеры у нас нет».

Марина прочла сообщение дважды. В чужих каналах остались уверенные подписи, тысячи просмотров, её имя. А в подтверждённой части истории появилась аккуратная пустота: никто пока не мог сказать, от какой камеры якобы получен файл.

Ей предстояло возвращаться в город, где всё это считали увиденным собственными глазами.

Глава 6. Доказанное расстояние

В поезде Марина сидела у окна, а жёлтое пальто — за четыреста километров от неё — продолжало выходить из двери.

Она открыла телефон перед отправлением, чтобы проверить сообщения от Семёновой и Валентины Петровны. Успела увидеть ещё одну пересылку ролика. На этот раз над изображением стояло: «Монтажёр знала, как скрыть следы».

В самом тексте никаких следов не было. Были её профессия, недоступный телефон Никиты и обещание рассказать подробнее, когда канал наберёт нужное число подписчиков. Марина сохранила публикацию, закрыла приложение и положила телефон на складной столик.

Нижегородский вокзал за стеклом жил обычной утренней суетой. Мужчина в синей куртке шёл вдоль состава, держа два бумажных стакана. У нужной двери он остановился и поднял один из них женщине внутри. Она улыбнулась, потом показала, что поезд уже закрывают. Мужчина приложил ладонь к стеклу.

Марина отвернулась. Никита вчера так и не появился. Его мать сообщила вечером, что с ней разговаривали ещё раз, уточняли последние встречи. Она перечислила Марине всё, что вспомнила сама: сын говорил о складе, о каких-то дисках, о знакомом, который должен был вернуть ему вещи. Ни фамилии, ни адреса. «Может, это вообще было неделю назад», — добавила Валентина Петровна. Марина записала и эту оговорку, потом посоветовала передать сведения проверяющим, не меняя их под нынешнее исчезновение.

Сегодня утром Семёнова попросила после приезда связаться с ней и договориться о беседе. Марина предупредила, какой у неё поезд. Ничего тайного в возвращении не было, но она всё равно дважды проверила билет, словно требовался ещё один документ, который объяснит людям её движение.

Соседка по вагону убирала пуховик на верхнюю полку. Марина помогла придержать сумку.

— Спасибо, — сказала женщина. — У меня рука после операции, всё никак не привыкну.

Она села и стала искать очки. Не спросила, где видела Марину. Не посмотрела на её телефон. Марина ощутила благодарность, которой соседка не заслуживала никаким особенным поступком. Просто оставила её в покое.

Поезд тронулся. Городские дома сменились складами, затем мокрыми пустырями. Марина достала ноутбук, но не открыла ролик. Ей оставалось отправить заказчику последнюю версию фильма про птиц. Исправления были согласованы ещё до этой истории; сделанная работа не исчезла из-за комментариев.

Она просмотрела начало, проверила звук и подписи, отправила файл с обычным сопроводительным письмом. Ответ пришёл минут через десять: «Спасибо. Завтра покажу группе, вернусь с обратной связью. С оплатой всё по графику».

В вагоне разносили чай. Соседка взяла себе и предложила Марине печенье из раскрытой коробки. Та выбрала одно, чтобы не объяснять, почему не ест, и заметила, что голодна. С утра успела только выпить кофе. Лена вчера сказала, что встретит её дома с едой, как будто это можно было согласовать независимо от времени беседы у Семёновой.

За проходом подросток держал телефон на уровне груди. В наушниках, с капюшоном на затылке, он несколько раз поднял аппарат выше, потом опустил. Марина заметила это не сразу. Когда заметила, уже не могла перестать следить боковым зрением.

Телефон мог быть направлен куда угодно. На окно, на женщину рядом с ним, на собственное лицо. Марина видела только тёмную прямоугольную спинку. Но каждый раз, когда экран поднимался, у неё напрягалась спина.

Она закрыла ноутбук. Соседка спросила, не мешает ли её коробка с печеньем. Марина ответила, что нет, и подвинула коробку глубже на стол. Поезд вошёл в поворот, чай в картонном стакане качнулся. Женщина попыталась придержать его той рукой, которая плохо работала после операции, не удержала. Вода пошла по столу, на край Мариниой сумки.

Марина быстро подняла сумку, прижала салфетку к лужице. Женщина растерянно искала платок, потом стала повторять «простите». Подросток за проходом повернул телефон.

— Не снимайте, — сказала Марина.

Он посмотрел на неё, не услышав. Вынул один наушник.

— Что?

— Не снимайте меня.

Слова прозвучали громче, чем она хотела. Несколько человек обернулись. Женщина рядом с подростком выпрямилась, посмотрела сначала на сына, потом на Марину.

— Он смотрит лекцию, — сказала она.

Подросток повернул экран. На нём человек рисовал химическую формулу. Аппарат держался на маленькой складной подставке, которую Марина из своего места не заметила.

— Я вас не снимал, — сказал он.

В вагоне стало неловко. Соседка всё ещё держала платок и не знала, помогать ли с водой или подождать, пока закончится чужой спор.

Марина положила сумку на колени.

— Простите. Я неправильно поняла.

Женщина за проходом хотела что-то сказать, но подросток вставил наушник обратно. Ему было достаточно, чтобы его оставили в покое. Марина вернулась к мокрому столу. Промокнула воду, выбросила салфетки в пакет. Соседка сказала, что попросит у проводницы новую порцию чая, и осторожно встала.

Лицо горело. Марина не знала, узнала ли её женщина за проходом теперь, после такого выступления. Могла открыть поисковик, найти ролик, рассказать соседям. Эта возможность немедленно начала строить следующую сцену, и Марина остановилась на середине.

Соседка вернулась с двумя стаканами. Сказала, что проводница ругалась на бумажные крышки: не держатся. Поставила свой ближе к окну, второй предложила Марине.

— За сумку. Не осталось пятна?

— Кажется, нет. Спасибо.

— Я вам неловкость устроила.

— Это я сама.

Женщина посмотрела на неё, но не спросила почему. Достала книгу, поправила очки. На обложке был яркий сад, совсем не похожий на мокрые поля за стеклом.

Марина снова открыла ноутбук. В проекте оставался орнитолог с его длинными уточнениями. Она включила последнюю версию без звука, проверяя картинку. Сумка высыхала на коленях, платок соседки лежал на краю стола. Подросток за проходом сделал заметку в тетради, продолжая смотреть лекцию.

Около полудня Сергей прислал сообщение: с ним связались, он рассказал о созвоне. «Стул подтвердил. Остальное тоже. Точного момента включения камеры не помню, так и сказал».

Ирина написала чуть позже. Она тоже ответила на вопросы. Управляющий гостиницы сообщил лишь, что запрос получил и сведения передаются предусмотренным способом. Не прислал Марине чужие кадры. Не приложил справку, которую она могла бы немедленно выложить.

Проверка шла там, куда она не могла заглянуть. Ей оставалось сообщать о себе, давать контакты и ждать. Она обычно не выносила ожидания чужого материала: заполняла его прав-

ками, новыми задачами, сортировкой. Сегодня отсортировала папку с поездкой и больше ничего от этого не узнала.

Она открыла переписку с Никитой, нашла последнее голосовое двухнедельной давности. Он просил оценить, не слишком ли резко смонтировано начало чужого интервью. Марина ответила, что надо вернуть вопрос. Никита написал: «Вернул. Клиент расстроен, собеседник доволен». В тот день это казалось удачной профессиональной шуткой.

В других сообщениях были обычные вещи: адрес кофейни, отзыв о наушниках, просьба одолжить переходник. Марина не стала искать в каждом слове предчувствие. Она записала, что перечитала разговор за две недели, и отмечала конкретные вопросы, которые могла бы уточнить у Семёновой.

В Москву она приехала после обеда. На платформе было холоднее, чем ожидалось; пока искала такси, у неё начали дрожать руки. Лена позвонила и спросила, куда ехать с ней. Марина объяснила, что сначала должна поговорить с Семёновой, и назвала согласованное время.

— Я тогда домой поеду, — сказала Лена. — Буду у тебя. Ключ есть.

— Может, не нужно?

— Ты хочешь одна?

Марина остановилась у колонны. Люди обходили её с чемоданами.

— Нет. Просто там бардак.

— Видела. Очень тяжёлый случай: две чашки и плед.

Лена пообещала не выбрасывать ничего рабочего и попросила сказать, если задержится. Марина вызвала машину.

В здании, куда ей назначили прийти, потребовалось подождать. Саша приехала к началу беседы, в коротком тёмном пальто и с папкой под мышкой. Вживую оказалась ниже, чем Марина представляла по голосу. Поздоровалась без объятий, спросила, всё ли найденное принесли, и быстро просмотрела список документов.

Семёнова вошла в коридор с несколькими папками и попросила пройти. У неё были короткие волосы, широкие плечи и очки в простой металлической оправе. Она не походила на голос из громкой связи, который Марина успела наделить строгим лицом. Выглядела усталой и занятой, без желания производить впечатление.

В кабинете она уточнила, что уже получили в Нижнем Новгороде, какие материалы Марина передаёт теперь, объяснила порядок оформления. Саша задала несколько вопросов. Марина внимательно слушала, но смысл процедуры сначала уступал простому желанию услышать, что её больше не связывают с ночной дверью.

Семёнова сказала это ближе к середине разговора.

— Сведения о вашем нахождении в Нижнем сопоставили. Гостиница представила материал, сотрудники и ваши коллеги подтвердили обстоятельства. В указанное на публикации время ваше пребывание там подтверждается. Оснований считать, что вы находились тогда у Бородина в Москве, у нас нет.

Марина положила ладони на стол. До этого держала их сцепленными на коленях.

— То есть алиби проверено?

— По этому времени — да.

— Вы сообщите об этом каналам?

— Порядок публичного информирования отдельно. Мы не обязаны отвечать каждому автору поста. Задача сейчас — установить обстоятельства исчезновения Бородина.

Саша чуть повернулась к Марине, давая ей не продолжать спор. Облегчение не отменяло Никиту. Оно просто возвращало возможность думать о нём без собственного лица перед каждой мыслью.

Семёнова спросила о январском проекте. Марина передала найденные документы, сообщила, как получила облегчённую копию и где, по словам Жанны, должен находиться архив.

Показала список участников. Отдельно отметила, что не знает всех лиц, имевших доступ к студийному диску.

— А что вы знаете? — спросила Семёнова.

— В тот день Артём попросил выгрузить материал для студии. Оператор работала со своими картами. Никита координировал и обещал скопировать вечером, но я уехала раньше. Саму передачу не видела. Потом могли копировать другие люди, но кто — у меня данных нет.

— Это и нужно отделять.

Марина спросила о двери. Семёнова подтвердила, что служебное помещение и квартира Бородина — разные места, хотя находятся в одном доме. Связь с домом позволила авторам публикации придать подписи правдоподобие. Кто именно это сделал, ещё устанавливалось.

Марина испытала резкую злость. Чужой заголовок не просто поставил дату ночи исчезновения. Он назвал служебную дверь дверью Никитиной квартиры. Оказалось, зрителю не требовалось увидеть человека в чужой квартире; достаточно было сказать ему, откуда человек выходит.

— Никита знал все эти кадры, — сказала она. — Он мог объяснить сразу.

Семёнова ничего не ответила на очевидное. Записала сведения о доступе, затем вернулась к их последним разговорам. Марина рассказала, что мать вспомнила о складе и дисках, уточнив, что точная дата той беседы неизвестна. Семёнова сказала, что с Валентиной Петровной уже разговаривали. Больше о проверке этого направления не сообщила.

— Есть основания думать, что он жив? — спросила Марина.

Вопрос вышел тише, чем остальные.

— Мы устанавливаем, где он находится. Подтверждённых сведений, которыми я могла бы с вами поделиться, пока нет.

Это не было ответом, которого Марина хотела, но и не было предложением готовиться к худшему. Она кивнула и спросила, что ещё должна найти.

Семёнова перечислила: переписку о январской работе, контакты, документы по хранению и передаче материала, если они есть у Марины законно. Она попросила сообщать о новых контактах и угрозах, если такие будут.

Марина вспомнила звонки. Описала два утренних, дала время и номера, подчеркнула, что записи не вела. По тем словам, которые успела услышать, это было издевательство, не конкретная угроза. Семёнова попросила всё равно сохранять сведения.

Из кабинета они вышли вместе с Сашей. Та предложила проехать одну остановку на её машине, чтобы по дороге обсудить публичное сообщение.

— Можно написать, что полиция проверила алиби? — спросила Марина, едва села.

— Можно точно изложить то, что вам сообщили. Не будем приписывать этому прекращение какой-либо проверки по исчезновению. И не создаём видимость официального пресс-релиза, которого у нас нет.

— Антон сможет сослаться на меня?

— Да. И самостоятельно уточнить доступную часть у ответственных за комментарии. Ему решать, что его редакция считает подтверждённым.

Саша составила две фразы, прочла Марине. Та попросила убрать канцелярское «в рамках установления обстоятельств». Получилось проще: «Проверяющие сопоставили сведения гостиницы и свидетелей и подтвердили, что в указанное на ролике время я находилась в Нижнем Новгороде. Поиск Никиты продолжается».

Марина отправила текст Антону и Лене, потом разместила у себя. Не добавила победных слов. Но когда машина остановилась у метро, впервые смогла глубоко вдохнуть и заметила, что плечи болят от постоянного напряжения.

Дома пахло гречкой и разогретыми овощами. Лена открыла дверь раньше, чем Марина нашла ключи. Не спросила с порога, как всё прошло, помогла поставить сумку и протянула полотенце для мокрых рук.

— Еда на плите, — сказала она. — Чайник включён. Обувь оставляй, пол потом.

Марина обняла её. Несколько секунд они стояли в тесной прихожей между сумкой и стеной. Лена не говорила, что теперь всё хорошо.

— Подтвердили, — сказала Марина.

— Я прочитала.

— Я знала, но всё равно…

— Садись.

За столом Марина рассказала о разговоре, о служебной двери, о том, что сведения передали. Лена спрашивала, оставались ли документы у неё, получила ли она подтверждение передачи, когда нужно снова связаться. После этих простых вопросов происходящее стало похожим на последовательность дел, а не на огромную неподвижную угрозу.

Марина съела почти всю тарелку. Телефон лежал на подоконнике, экраном вниз. Она слышала вибрацию, но не вставала, пока не позвонила Валентина Петровна. Мать Никиты знала о проверке алиби и спросила, стало ли понятно, кто снял запись.

— В январе снимала Жанна. Почему её выдали за ночь исчезновения — пока не установили.

— А Никита был там?

— На январской съёмке — да. В кадре его почти нет. Но есть голос.

— Пришли мне голос, пожалуйста.

Марина замерла с чашкой в руке. Хотелось немедленно отправить весь найденный фрагмент. Она объяснила, что должна согласовать передачу рабочей копии с оператором, и пообещала сделать это сейчас. Валентина Петровна согласилась. Ей был нужен голос сына, а не доказательная победа Марины.

Она написала Жанне. Получила короткое разрешение передать матери для личного просмотра, без публикации. Отправила ссылку с объяснением даты съёмки и не ждала благодарности.

Когда Марина вернулась к столу, Лена смотрела в свой телефон. Не отвела глаза быстро, но и не стала показывать экран.

— Что? — спросила Марина.

— Ещё одно видео.

— С пальто?

— Нет.

Лена положила телефон на стол и нажала воспроизведение.

Марина сидела в рабочей комнате перед микрофоном, в чёрном свитере, который узнала сразу. За кадром мужской голос спросил:

— И что ты сделала с правдой?

Затем прозвучал её ответ — спокойный, деловой:

— Я стёрла то, что не должно было остаться.

Глава 7. Голос

Вопрос она слышала впервые. Собственный ответ — нет.

Марина потянула телефон к себе и запустила запись снова. Мужской голос спрашивал о правде, её лицо на экране было чуть ниже, чем следовало для нормальной рабочей связи, звук шёл с небольшой комнатной гулкостью. Она посмотрела в сторону и произнесла: «Я стёрла то, что не должно было остаться».

Это были её слова. В них не требовалось узнавать отдельные звуки или подозревать синтез. Она помнила, что сказала их на совещании, когда спрашивали об удалённых дублях.

— Чужой вопрос, — сказала Марина.

— Ты знаешь, что спрашивали на самом деле?

— Про файлы. Кажется, про дубль, который я убрала из клиентской папки.

Лена не выключила телефон, оставила на паузе.

— Кажется?

— Я не помню каждое совещание за год.

— Я не требую каждое. Мне нужно понять, что ты сейчас точно знаешь.

Марина отошла к рабочему столу в комнате. На мониторе отражался потолочный свет, возле клавиатуры лежали два переходника, один чужой. Вся её домашняя работа состояла из таких мелких предметов, которые через неделю уже невозможно было приписать конкретному проекту. Но свитер помог. Она надевала его зимой, потому что в комнате было холодно; летом убрала на дальнюю полку. Запись, вероятнее всего, сделали до весны.

На заднем плане в кадре виднелся белый стеллаж. Это был её прежний съёмный монтаж, который она делила с двумя коллегами. В апреле они от него отказались. Значит, разговор был раньше апреля. Она записала это отдельно.

— Стеллаж? — спросила Лена из дверей.

— Да. Мы выехали в апреле. Это старая запись.

— Дату ролика тоже написали сегодняшнюю?

Марина посмотрела подпись. Нет. Авторы теперь не связывали слова с конкретным днём. «Ковалёва сама объясняет свой рабочий метод. После заявлений об алиби остаётся вопрос: сколько материалов она успела зачистить?»

Алиби не отрицали. Его обошли.

Она сохранила файл, источник получения, страницу с подписью, затем переслала сведения Саше и Семёновой. Пока не утверждала, что вопрос вставлен кем-то конкретным. Написала только, что не узнаёт его как часть исходного разговора и помнит другой предмет обсуждения.

Марина поставила отметку на начале вопроса. Там слышалась короткая тишина, затем голос без комнатного гула, который был на её ответе. Разница могла означать другую запись, но могла объясняться микрофонами разных участников связи. Она не стала называть её доказательством склейки.

— Это можно проверить по полному разговору, — сказала она Лене. — У нас иногда записывали совещания, чтобы не спорить о правках.

— Кто записывал?

— Координатор. Или кто организовал связь. Нужно найти проект.

— Что ты помнишь о файлах?

Марина закрыла глаза. Она сидела в прежнем монтаже и торопилась закончить перед следующей сменой. Вопрос прозвучал из наушников. На столе лежал распечатанный список, Никита говорил, что заказчику не нужно отдавать повторы с ненужными людьми на фоне. Она ответила, что уже стёрла то, что не должно было остаться в клиентской копии.

Последние четыре слова она помнила неуверенно. В видео их не было. Возможно, добавила их мысленно сейчас, защищаясь. Марина открыла глаза и написала Никите, хотя сообщение всё ещё оставалось недоставленным: «Ищу запись разговора про удалённые дубли. В старом монтаже. Помнишь, у кого?»

Немедленно стало стыдно. Человека искали третьи сутки, а она снова отправляла ему рабочий вопрос. Но именно рабочий разговор мог объяснить, у кого теперь были материалы с ними обоими. Удалять сообщение она не стала.

Лена поставила возле клавиатуры чашку и молча убрала тарелку с недоеденной гречкой. Марина не заметила, как та успела остыть.

Первые два заказчика связались через почту. Продюсер образовательного проекта предложила перенести запись интервью, назначенную на следующую неделю. В письме она ссылалась на напряжённую обстановку и необходимость согласовать всё с партнёрами. Марина понимала: перенос мог быть разумным решением для конкретной съёмки. Собеседники не обязаны были обсуждать её собственную историю перед разговором об обучении детей.

Она ответила, что доступна для технической работы, если проекту понадобится. Потом перечитала письмо. Оно выглядело как попытка удержаться в комнате, где ей уже показали дверь.

Второй заказчик отказался от договора, который ещё не подписали. Менеджер написал: «У нас чувствительная тема доверия. До окончательного разъяснения ситуации предпочитаем выбрать другого исполнителя». Ещё несколько часов назад окончательное разъяснение относилось к ночи, теперь — ко всей её профессии. Завтра могло относиться к чему угодно.

Марина уже получила облегчённую январскую копию, показала семь секунд подготовки — и всё равно потеряла работу, к которой этот материал вообще не относился.

— Напиши им про алиби, — сказала Лена, прочитав письмо с её разрешения.

— Они знают. Они теперь думают, что я умею подделывать чужую речь.

— Ты умеешь?

Марина повернула голову.

— Лен.

— Я спрашиваю не про преступление. Ты можешь сделать, чтобы человек сказал одно вместо другого?

— Любой монтажёр может обрезать вопрос и поставить другой.

— Вот это они и думают.

— Но я этого не делаю.

Лена села на край дивана, не ответила сразу.

Марина вдруг поняла, что слышит собственную фразу слишком широко. «Я этого не делаю» означало «я не делаю злонамеренные публичные подделки». Она работала с реконструкциями, учебными версиями, демонстрациями ошибок; соединяла то, что снимали раздельно, накладывала звук, снимала повторные реплики, если шум заглушал нужные слова. Всё это было нормальной работой при известных участникам условиях. Но зритель не получал эти условия вместе с её уверенным «не делаю».

— Я не выдаю такие версии за подлинный разговор, — уточнила она.

— Тогда так и говори.

Антон позвонил, когда она открывала архив зимних проектов. Сообщил, что редакция проверяет январский материал, связалась с координатором, оператор пока не смогла полноценно поговорить. Погодин ответил, что его источник заслуживает доверия, но объяснения, как проверена дата, не дал.

— Я видел новый ролик, — сказал Антон. — Понимаете, что там использовано?

— Рабочее совещание. Я узнаю голос и обстановку. Нужно найти целиком.

— Вы знаете, кто произносит вопрос?

— Нет. Но в исходном разговоре его не было.

— Вы помните исходный вопрос?

— Про удалённые дубли. Пока без точной формулировки.

— Ваш материал сегодня выйдет?

— Если закончим проверку. Он будет о том, что известно по первому ролику. Второй мы обозначим отдельно. Отсутствие основания для первого обвинения не означает, что мы уже исследовали всё остальное.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Звучит плохо. Но другого исходника у меня нет. Хотите, я напишу, что поверил вам на слово? В комментариях это проживёт пять минут.

Она спросила, что он знает о поиске Никиты. Антон ответил, что мать дала ему несколько контактов, разговаривал с двумя коллегами, проверяет последние проекты. Марина могла помочь только тем, что знала сама.

После звонка она отправила ему список совместных работ, убрав личные данные людей, не относящихся к этим проектам. Последний столбец обозначила «Могу подтвердить» и оставила пустым там, где знала лишь по Никитиным словам. Ей понадобилось двадцать минут, чтобы убрать из списка всё, что раньше сочла бы обычной профессиональной осведомлённостью.

Старая запись не находилась. Она проверила переписку студии, два сервиса, которыми пользовались для созвонов, выгрузки из общей рабочей папки. Ссылки на часть файлов истекли. На ноутбуке лежали только её финальные версии, не переговоры. Марина написала бывшему звуковику Павлу, с которым делила монтаж. Он ответил, что вспомнит завтра: сейчас укладывает ребёнка.

Марина посмотрела на недоставленное сообщение. У неё начала болеть голова над правой бровью.

Лена предложила лечь. Марина ответила, что ещё полчаса, и впервые за вечер открыла комментарии, чтобы посмотреть, дошло ли до людей сообщение о подтверждённом алиби. Оно дошло. Некоторые писали, что история с ночным визитом развалилась. Другие соглашались — и тут же добавляли, что теперь нужно понять, чем Марина занималась раньше.

Под новым роликом она увидела своё недавнее объяснение: кто-то вставил его как доказательство, что она отвечает «по шаблону, согласованному с юристами». Советы Саши, предназначенные уберечь от неверных выводов, выглядели для этих людей ещё одним признаком скрываемой правды.

Марина написала: «Фраза вырвана из обсуждения удаления повторных рабочих дублей. Вопрос на этой записи мне не задавали». Прочла, отправила. Не приложила файл, которого не нашла.

Первый ответ пришёл мгновенно: «Профессионал объясняет, почему надо верить профессионалу».

Второй человек спросил, где полный разговор. Это был разумный вопрос. Она ответила, что ищет запись у участников, не может пока предъявить её. Под ответом появились смеющиеся значки.

Ей захотелось написать, что такими же доверчивыми они будут, когда в кадр попадёт кто-нибудь из них. Она даже набрала начало фразы. Потом увидела, как это можно отрезать: Марина Ковалёва угрожает пользователям фальшивыми роликами. Стерла написанное.

— Ты кому пишешь? — спросила Лена.

— Никому уже.

Телефон зазвонил с неизвестного номера. Марина сбросила. Снова зазвонил. Сбросила ещё раз и выключила аппарат целиком. В комнате стало тихо, только вентилятор ноутбука продолжал работать.

Лена подошла к столу.

— Валентина Петровна должна иметь возможность позвонить.

— У тебя есть её номер. У неё твой тоже. Я не могу сейчас.

Лена не стала включать телефон за неё. Сказала, что предупредит мать Никиты, и отошла. Марина сидела, глядя на чёрный экран, до которого наконец нельзя было достучаться. Облегчение длилось меньше минуты. Потом на смену ему пришла мысль, что именно сегодня ей могут сообщить что-то важное.

Она включила аппарат, настроила приём вызовов от нужных людей, оставила остальные без звука. Написала Валентине Петровне, что остаётся доступной, и Семёновой — что в любое время ответит на её звонок. Слова выглядели сухими. Других надёжных слов у неё не нашлось.

На столе всё ещё лежали бумаги с семинара. Марина перевернула одну и увидела расписание собственного занятия: «Как не изменить смысл, сокращая материал». Она сложила лист пополам, потом выпрямила, убрала в папку.

— Я не понимаю, почему им этого мало, — сказала она. — Меня не было в Москве. Первый ролик старый. Теперь эта фраза. Каждый раз приходится начинать сначала.

Лена стояла у книжной полки, выбирала, куда поставить освобождённую чашку. Не повернулась сразу.

— Ты уверена, что тебя сейчас обвиняют только во лжи?

Марина посмотрела на неё.

— А в чём ещё?

— Я сама теперь жду: ты покажешь ещё один кусок, и окажется, что мы зря верили предыдущему. Не потому, что я им верю. Просто устала угадывать, что осталось за краем.

Подруга поставила чашку на стол, подальше от ноутбука. Марина не нашла, что возразить. Она целый день хотела показать им правильный кусок.

Глава 8. Длинная запись

Утром Павел прислал не файл, а фотографию полки.

На ней стояли диски в одинаковых серых корпусах. Внизу виднелась коробка с детскими карандашами, сверху — банка с шурупами. Подпись гласила: «Если найдём правду, она тут».

Марина улыбнулась впервые за ночь. Она поспала около четырёх часов, проснулась до будильника и лежала, слушая, как на кухне Лена открывает шкаф. Подруга осталась на раскладном диване, хотя утром должна была ехать в музей. Марина услышала, как стукнули чашки, и вспомнила, что не убрала вечером телефон из комнаты. Он лежал в пределах руки, готовый сообщить новую версию её самой.

— Кофе есть, — сказала Лена с порога. — Я ушла. Позвони в обед, пожалуйста. Не сообщение «всё нормально», а позвони.

— Хорошо.

Марина провела её до двери, потом вернулась к Павловой фотографии. Он не участвовал в январской площадке, зато несколько раз подключался к студийным созвонам, когда обсуждали комплект для передачи заказчику. В прошлом монтаже у него стоял компьютер, на котором хранились технические записи встреч. Их делали по согласию участников, чтобы не переписывать каждую правку вручную.

Павел теперь работал дома. Он спросил, какой именно месяц ей нужен. Марина описала свитер, стеллаж, примерное время и всё, что могла вспомнить о разговоре.

— Можешь приехать? — спросил Павел по телефону. — Я сегодня после обеда в записи, до этого свободен. Тут диск долго открывается, я сам не помню, что где.

— Прямо сейчас могу.

— Тогда хлеб захвати. Мы забыли заказать. Заодно выяснишь, что я не заманиваю тебя в тайный архив, а просто пользуюсь ситуацией.

Он прислал список из трёх вещей. Марина по дороге купила хлеб, молоко и яблоки. На кассе едва не начала объяснять, зачем ей два пакета: один для Павла, другой для себя. Ей хотелось, чтобы любое действие имело проверяемое невинное назначение. Кассиру было всё равно, он спросил только про карту магазина.

Павел открыл дверь в домашних брюках и рубашке, у которой закатал один рукав. За спиной на полу лежала железная дорога. Поезд под мостом стоял на боку, явно после аварии.

— Осторожно, там инфраструктура, — сказал он. — Молоко на кухню, компьютер дальше.

Марина сняла обувь, прошла по узкой свободной полосе. На стене висели семейные фотографии, одна с пляжа, другая с зимней прогулки. Она знала Павла восемь лет и впервые увидела его жену не на случайном фоне рабочего звонка.

— Все ушли? — спросила она.

— В сад и на работу. Через час придёт мастер чинить посудомойку, у нас расписание спасения бытовой техники.

Он подключил диск. Корпус негромко загудел. На экране появились папки, разделённые по годам. Внутри зимних проектов лежали даты встреч и текстовые заметки. Павел открыл список, отсортировал по времени и нашёл два разговора со студией.

Первый был не тот. Марина сидела в другом свитере, Никита обсуждал звук у интервью с ветеринаром, координатор просил ускорить работу. Они посмотрели начало, закрыли.

Второй разговор длился сорок одну минуту.

Марина сразу узнала кадр. Белый стеллаж. Собственное лицо, чуть ниже центра. Она тогда подняла монитор, но камера осталась на столе. На заднем плане в открытую дверь прошёл Павел и что-то сказал про отопление.

— Вот он, — сказала она.

— Давай сначала выясним дату и что это за экспорт, — ответил Павел. — У меня здесь рабочая копия записи встречи. Саму ссылку, откуда скачивали, тоже посмотрим. Не буду утверждать, что файл первичный, если он уже после сервиса.

Они записали имя файла, структуру папки, дату встречи по приглашению в почте. Павел нашёл письмо с уведомлением о записи и ссылкой на скачивание. Доступ по ссылке давно истёк, но письмо осталось. Он был участником разговора и мог объяснить, откуда получена его копия.

— Копировать могу? — спросила Марина.

— Для юриста и проверки — да. В интернет целиком не надо. Там дальше клиентские материалы и чужие фамилии.

— Согласна.

Он сделал копию на подготовленный накопитель, а исходную папку оставил как есть. Марина записала обстоятельства получения. Это выглядело чуть торжественнее обычной передачи рабочего файла, но Павел не подшучивал. Ему тоже не хотелось однажды увидеть собственную реплику под неизвестным вопросом.

Они стали смотреть. На двадцатой минуте Никита спросил:

— По дублям с техническими разговорами кто-нибудь прошёл? В клиентском комплекте их не должно быть. Там тест звука, наш трёп и пара людей, которые не давали согласия на передачу. Марин, ты у себя это проверила?

Она на экране подняла глаза от списка.

— Да. Я стёрла то, что не должно было остаться.

Потом Никита уточнил:

— В выдаче?

— В выдаче. Рабочую резервную папку не трогала, она на диске проекта.

Павел поставил запись на паузу.

— Вот, — сказала она.

— Да, — ответил Павел. — Но давай остальные двадцать минут тоже посмотрим.

— Зачем?

— Чтобы потом не оказалось, что ниже обсуждали другое, а мы сами вырезали удобную часть.

Он был прав. Марина села на соседний стул. До появления мастера они досмотрели разговор целиком, останавливались там, где были имена и условия передачи. На встрече обсуждали несколько рабочих задач. При этом файл показывал, как свободно они говорили об учебных версиях и клиентских комплектах, не каждый раз называя условия использования.

Вирусный вопрос «что ты сделала с правдой» на полной записи не прозвучал. Собственный ответ совпадал с использованным отрывком.

Дверной звонок прозвенел посреди обсуждения последней правки. Павел впустил мастера, показал кухню, вернулся.

— Теперь следующий вопрос, — сказал он. — Кто у тебя этот материал получил?

— У меня никто. У меня его вообще не было.

— Значит, надо смотреть участников и кому отправляли запись. Здесь не только мы с Никитой.

На встрече присутствовал Артём, менеджер ещё одной подрядной группы и представитель заказчика. На экране были только имена учётных записей, не полные паспортные данные. Марина выписала, что видела, не стала угадывать по аватаркам. Павел нашёл список адресов в приглашении и согласился передать его проверяющим, но не для публикации.

Из кухни позвали Павла. Мастер хотел проверить, нет ли воды под тумбой. Павел спросил Марину, может ли она две минуты посмотреть на компьютер: копия уже была готова, но он записывал для неё расположение папки, чтобы потом не объяснять по памяти.

Марина осталась у стола. На экране стоял последний кадр совещания. Никита что-то искал в другом окне, поэтому глаза были опущены. Она подвинула мышь, собираясь вернуть место, где он смотрит прямо, и остановилась. Для проверки не требовалось выбирать, каким он будет ей сейчас казаться.

Павел вернулся с полотенцем. У брюк намокли колени.

— Что-нибудь подержать?

— Лучше отодвинь с пола коробку у двери. Там бумага, жена потом будет очень рада, если я сохраню хотя бы инструкции к тому, что ломается.

Марина перенесла коробку на табурет. Сверху лежали гарантийные талоны, листы с детскими рисунками, пакет проводов. Один конец свисал из щели. Она заправила его внутрь, не разбирая содержимое.

Павел повернулся к кухне:

— Мне через полтора часа писать звук. Если вы закончить не успеете, перенесу начало.

Павел поманил её в комнату.

— Ты кофе успеешь?

Она не знала, должна ли успевать кофе после найденного разговора. Хотелось немедленно сообщить всем, заставить перечитать заголовки, отправить Никитиной матери его голос. Сначала нужно было согласовать, какую часть можно использовать и кому. Вместо движения получалась очередная остановка.

— Минут десять, — сказала она.

Павел принёс две чашки, положил рядом яблоко, которое Марина сама купила по его списку. Она взяла, но не стала есть.

— Долго мы работали вместе и ни разу не сидели просто так, — сказала она.

— Сидели. Ты заодно проверяла экспорт, я — шум в паузах.

— Значит, не просто так.

— Восемь лет придумываем, почему нельзя просто так.

Он сел напротив. В коридоре звякнула металлическая деталь, мастер коротко выругался и извинился, хотя никто не просил. Павел крикнул, что всё нормально.

— Ты Никите звонил перед этим? — спросила она.

— В сентябре по звуку. Обычная работа. После того, как узнал, что пропал, посмотрел свои сообщения. Всё, что относится, уже сообщил.

— Он был обычный?

Павел помолчал.

— Со мной — обычный. Не значит, что у него всё было нормально. Я не хочу подгонять теперь старый разговор под то, что мы узнали позже.

Марина кивнула. Ей хотелось получить хотя бы один поздний признак: голос, паузу, странную реплику, которую можно было бы назвать просьбой о помощи. Такой признак объяснил бы, почему она не услышала, и дал бы кому-нибудь ещё возможность услышать правильно. У Павла был рабочий разговор и предел того, что он из него помнил.

Она наконец откусила яблоко. Очень кислое. Павел посмотрел на её лицо и спросил, не нужно ли выбросить остальные.

— Нет. Я такие и купила. Ты написал зелёные.

— У меня ребёнок сказал, что любит зелёные. Любит, оказалось, рисовать.

Марина засмеялась. Смех был неожиданным и коротким; ей захотелось продолжить, но продолжать было нечего. Павел тоже улыбнулся, отодвинул второе яблоко и выпил кофе.

С кухни позвали Павла. Он встал.

Она попросила Павла прислать короткое подтверждение передачи по тому порядку, который предложит юрист. Он согласился и уточнил, когда сможет ответить, если сегодня будет на записи. Марина записала время. Не попросила оставить всю вторую половину дня свободной для её звонков.

Марина убрала накопитель в отдельный карман сумки, положила туда же лист с заметками.

— Спасибо, что не просто прислал кусок, — сказала она.

— Мне теперь тоже страшно присылать куски.

Саша посмотрела материал, проверила согласованные условия передачи и помогла оформить сообщение Семёновой. Марина не рассылала полный разговор журналистам. Антону предложила ознакомиться с относящейся к вопросу частью и поговорить с Павлом; порядок публичного цитирования согласовывали отдельно с участниками.

Пока Саша готовила передачу, Марина набрала Павла. Полную запись она уже могла показать проверяющим; для публикации ей хотелось получить то же разрешение одним сообщением.

— Без чужих фамилий. Я закрою лица, — сказала она.

— Ты утром согласилась, что целиком не выкладываем.

— Я не знала, что там настолько понятно. Если люди увидят весь разговор, им не придётся верить моему описанию.

В трубке хлопнула дверь. Павел ответил тише:

— Я сейчас пишу человека. У меня пятнадцать минут, потом он уйдёт.

— Это тоже запись человека, Паш.

Он помолчал.

— Да. И там он говорил про свой заказ, не про твою публикацию.

Марина открыла полный файл. В начале представитель клиента называл сроки и сумму. Она могла убрать этот участок; дальше Никита спрашивал про дубли.

— Тогда двадцатая минута. Вопрос, ответ и уточнение. Можно?

— Мне можно. Остальным сам позвоню?

— Ты можешь? У тебя адреса.

— Адреса я уже дал для проверки. Марин, я не буду сегодня звонить шести людям. И завтра не обещаю.

Она отодвинула телефон от лица. На листе Саши лежало имя Павла, аккуратно вписанное в строку об источнике. Ещё час назад он искал для неё диск между карандашами и шурупами. Теперь она почти потребовала, чтобы он остановил чужую запись.

— Я сама попробую. Только скажи Антону, что копия твоя. Не оставляй ему от меня.

— Скажу. А ты пришли, какой кусок собралась показывать. Посмотрю после смены.

— У них текст сегодня.

— Свои слова подтвердить могу сейчас. Просмотр после смены.

Он отключился. Марина переслала ему минуту начала и конца, не добавляя ещё одну просьбу поторопиться. Саша прочла её черновик объяснения и спросила, что из разговора уже разрешено показывать. Марина ответила: пока только описание её собственной работы. Исправила строку «смотрите запись» на сообщение о передаче полного файла для проверки.

Антон позвонил после разговора с Павлом.

— По второй записи у нас теперь подтверждение контекста от участника и материал для сопоставления. По первой — разговариваем с оператором, собираем сведения. Текст сегодня выпустим.

— Редактор уже спрашивает, зачем второй материал, если первый вас оправдал. Я покажу ему, что подменили теперь. И ваши слова про рабочую папку — целиком.

— Хорошо, — сказала она. — Пришлите мои цитаты.

Он прислал. В одной она заменила неточное «стерли слова» на «убрали уточнение после ответа». В остальных ничего не меняла.

К сроку Павел успел подтвердить Антону свои слова, но публичный просмотр не согласовали. Антон прислал макет без воспроизводимого ответа Никиты. Читателю предлагали описание того, что журналист увидел в закрытой копии.

Она набрала Павлу: «Если сегодня не показываем, они скажут, что записи нет». Не отправила. В его последнем сообщении стояло время окончания смены, и оно ещё не наступило. Статья выйдет сейчас, сама сцена — позже, если согласуют.

После двух издание выпустило материал. Заголовок был спокойный: о неподтверждённой дате и изменённом контексте двух записей. Марина сперва сочла его слишком слабым. Внутри были документы о семинаре с закрытыми персональными данными, объяснение января, слова оператора о рабочем дубле, подтверждённые сведения о гостинице в пределах доступного редакции и короткий разбор второго видео. Исчезновение Никиты стояло отдельным вопросом.

Марина разместила свой исправленный текст со ссылкой на статью. Полную запись к нему не прикрепила.

Первые ответы под её публикацией были другими. Кто-то признал, что поспешил. Женщина написала: «Я бы тоже сказала стёрла, когда чистила папку. Даже не подумала». Другой читатель спросил, почему нельзя посмотреть весь разговор, и Марина объяснила ограничения. На этот раз не все отнеслись к ним с насмешкой.

Но уверенных обвинений тоже хватало. Утверждали, что длинную запись можно изготовить задним числом, что журналисты прикрывают своего человека, что гостиница способна дать нужный ответ. Ни одного материала, который одновременно прекращал бы каждую такую мысль, не существовало.

Лена позвонила в обед поздно: у неё затянулась работа. Марина рассказала про Павла, сохранившийся разговор и статью. Подруга спросила, стало ли легче.

— Немного. Я теперь не должна объяснять голос по памяти.

— Это уже много.

— Но мне всё равно хочется написать им, что они идиоты.

— Вот это лучше по телефону мне.

Марина засмеялась коротко, почти беззвучно. Потом спросила, помнит ли Лена её старые работы для студии, не рассказывала ли она о похожих проблемах. Лена ответила, что вспоминает январь и ещё один проект про разговор в юридическом центре. Марина тогда жаловалась на бесконечные варианты, но подробностей подруга не знала.

Юридический центр. Она нашла строку в архиве, которую вечером до этого пропустила. Папка была подписана нейтрально: «Консультация_обучение». Марина не открыла её сразу. У неё ещё не было оснований считать этот заказ связанным с нынешними роликами.

Она занесла его в список работ и поставила вопросительный знак в последнем столбце.

Глава 9. Никаких секретных камер

Под первой публикацией появилось обновление: «Дата проверяется».

Марина нашла его случайно, уже собравшись выйти. Сам ролик остался прежним. Цифры 02:17 светились внизу, дата никуда не исчезла, лицо крупным планом было тем же. В обновлении не говорилось, почему понадобилась проверка и что уже опровергнуто. Получилось, что неизвестность добавили к её объяснению, а чужую уверенность оставили на месте.

Она отправила снимок Антону и Саше, затем убрала телефон в сумку. На вторую половину дня Семёнова попросила принести накопитель с найденной записью совещания. Документы о получении файла подготовили заранее; в другом кармане лежало письмо Павла с подтверждением, что он готов рассказать о своём архиве.

Марина вышла за полчаса до необходимого. В подъезде столкнулась с соседкой со второго этажа, которая несла пакеты к контейнерам. Женщина поздоровалась, потом замедлилась.

— У вас всё нормально? — спросила она.

Марина могла услышать в этом сотню смыслов, но соседка продолжила:

— Вчера у вас поздно свет был. Я подумала, может, опять с водой что-то, у нас в ванной шумит.

— Нет. Работала. С водой всё нормально.

— Ну хорошо. Если вдруг — звоните. Я дома.

Саша встретила её возле здания. На этот раз они дождались приглашения недолго. Семёнова сверила список передаваемого, уточнила обстоятельства получения, предложила Марине указать, какие выводы она делает сама, а что сообщает со слов Павла. Та уже разделила это на листе и передала вместе с остальным.

— Хорошо. Тогда расскажите про клиентскую копию. Кто её собирал?

Марина назвала собственную роль. Она удаляла из комплекта технические и повторные записи, которые не должны были передавать клиенту. Резерв лежал у координатора на диске проекта. Сама Марина не владела всем архивом и не знала дальнейших копирований.

В кабинет зашёл специалист, представился Константином. Марина показала ему перечень: скачанные публикации, рабочий дубль Жанны, копия совещания от Павла. Он попросил дописать, каким способом получила каждую, и задержался у её заметки о звуке.

— Здесь написано: «разные условия записи вопроса и ответа». На совещании люди были у разных микрофонов?

— Да.

— Тогда этот пункт отдельно проверим. Мне сейчас нужен тот вопрос, который стоит перед ответом в вашей копии.

Она назвала минуту. Константин записал, сверил имя файла и передал перечень Семёновой.

Саша слушала, не вмешивалась. Семёнова вернулась к первой записи.

— У общих помещений дома есть оборудование наблюдения, — сказала она. — Но сейчас у нас нет основания считать распространённый файл тем, что с него получили в указанную ночь. Сведения владельцев и исходные материалы проверяем отдельно.

Константин спросил, есть ли у неё наблюдения по нанесённым цифрам. Марина открыла сохранённый кадр. Белая плашка стояла в нижнем углу, буквы были плотные, вокруг — слабая тень. В старой студии пользовались похожим шаблоном для учебных сравнений. Она помнила, что у двойки верхняя дуга была шире, чем у обычного шрифта, и отступ после двоеточия казался немного большим.

— Это похоже на шаблон, с которым мы работали, — сказала она. — Но его могли использовать другие. Пакет не уникальный, он продавался для монтажа.

— У вас сохранилась версия проекта с этим шаблоном?

— Мои старые проекты нужно посмотреть. В январскую сцену я его не ставила. На других учебных примерах могла использовать.

Специалист ушёл с материалами. Марина посмотрела на Семёнову.

— Мне кажется, они хотят, чтобы все обсуждали меня, а не его.

— Это версия. Из каких фактов вы её выводите?

— Сначала обвинение по месту. Когда его проверили, выпустили другой фрагмент. Записи из нашей общей работы. У человека был доступ не только к одной сцене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.